Кавелин

Чем нам быть

2 экз



Was sollen wir sein?

ЧѢМЪ НАМЪ БЫТЬ?

ОТВѢТЪ

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ МІРЪ.“

ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ.



BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN. 27.
1875.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Б. БЕРА (Е. БОКА)

ВЪ БЕРЛИНѢ

27. Unter den Linden 27.

предлагаетъ свои услуги для изданія сочиненій на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и ручается за правильность и изящность печати.

ЧѢМЪ НАМЪ БЫТЬ?

ОТВѢТЪ

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ МІРЪ.“

ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ.



BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN. 27
1875.

Въ газетѣ „Русскій міръ“ напечатанъ, въ теченіи 1874 года (начиная съ марта и оканчивая августомъ), рядъ передовыхъ статей, подъ заглавіемъ „Чѣмъ намъ быть.“*) Въ этихъ статьяхъ излагается цѣлый, систематически обдуманный и выработанный проектъ кореннаго переустройства нашихъ сословій и мѣстнаго управленія, на началахъ, противуположныхъ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія. Хотя авторъ, судя по его словамъ, и ожидаетъ возраженій, но это не болѣе, какъ насмѣшка съ его стороны надъ злосчастной русской печатью. При теперешней нашей цензурѣ отвѣчать ему въ Россіи нѣтъ никакой возможности. Оттого, безъ сомнѣнія, статьи „Русскаго міра“, затрогивающія важнѣйшіе наши внутренніе вопросы и встрѣчены почти молча, почти безъ отзыва.

Опасаясь, чтобъ невольное молчаніе русской

*) NN. 77, 79, 81, 84, 89, 95, 99, 108, 111, 115, 120, 126, 137, 141, 145, 146, 157, 175, 176, 227, 236 и 237.

печати не было принято за знакъ согласія съ авторомъ или приписано непобѣдимой убѣдительности его выводовъ, я считаю долгомъ передъ родиной и тѣми изъ моихъ соотечественниковъ, которые не раздѣляютъ мыслей редактора „Русскаго міра", отвѣчать ему. Къ великому моему огорченію, я вынужденъ печатать свой отвѣтъ за границей, а не у себя дома. Будучи совершенно убѣжденъ, что мой образъ мыслей по крайней мѣрѣ столько же благонамѣренъ и охранителенъ, какъ автора статей „Русскаго міра," я, тѣмъ не менѣе, ни въ какомъ случаѣ не могу расчитывать на такую же снисходительность ко мнѣ цензуры, какую она оказала „Русскому міру."

Таже причина заставляетъ меня скрыть свое имя. Политическая благонадежность составляетъ у насъ, съ нѣкотораго времени, монополію взглядовъ, которыхъ я не раздѣляю, которые считаю вредными и даже опасными для Россіи и верховной власти; а при отсутствіи судебныхъ гарантій для политическихъ преступниковъ и нарушителей цензурныхъ правилъ, судьями моими стали бы тѣ, противъ кого я спорю.

Письмо первое.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и возрастающимъ интересомъ прочиталъ я въ „Русскомъ мірѣ" рядъ статей, въ которыхъ опредѣляется наше теперешее тяжелое положеніе и указываются средства, какъ изъ него выдти. Эти статьи, по своей обдуманности и послѣдовательности мыслей, рѣзко выдаются посреди невольной пустоты теперешней русской періодической печати. Онѣ представляютъ не только программу преобразованій, но вмѣстѣ и крайне интересный комментарій правительственныхъ распоряженій за послѣдніе десять лѣтъ. Для очень многихъ и для меня въ томъ числѣ, эти статьи были цѣлымъ откровеніемъ. Многое непонятное и загадочное въ нашихъ обстоятельствахъ, въ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ послѣдняго времени, разомъ разъяснилось для меня по прочтеніи этихъ статей. Я понялъ, что программа предполагаемой новой ломки на-

шихъ внутреннихъ порядковъ родилась не внезапно въ головѣ какого нибудь сотрудника газеты, а давно рѣшена въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, давно и послѣдовательно проводится въ нашей администраціи и законодательствѣ, и, какъ дѣлалось во Франціи, при второй Имперіи, теперь только возвѣщается публикѣ оффиціозно, чтобъ подготовить ее къ предстоящимъ государственнымъ мѣропріятіямъ. Все въ этихъ статьяхъ наводитъ на такую мысль. Административный произволъ и гнетъ цензурнаго вѣдомства почти отъучилъ насъ отъ правдиваго и смѣлаго печатнаго слова. Разсуждать о политическихъ предметахъ мы съ нѣкотораго времени не смѣемъ: тѣмъ изумительнѣе было встрѣтить на страницахъ русской газеты откровенное и свободное обсужденіе одного изъ самыхъ щекотливыхъ внутреннихъ русскихъ вопросовъ, недвухсмысленное порицаніе нашей внутренней политики и обвиненіе распоряженій по военному вѣдомству, до того сильное и рѣзкое, что съ нимъ могутъ сравниться по тону развѣ выходки „Московскихъ Вѣдомостей,“ которыя въ послѣднее время что-то тоже прикусили языкъ. Авторъ статей „Русскаго міра“ говоритъ какъ власть имущій. Для него цензурное

вѣдомство дѣлаетъ исключеніе изъ правила, которому неуклонно слѣдуетъ — подавлять въ печати всякую живую мысль, всякое искреннее выраженіе мнѣній и взглядовъ, какъ бы они ни были умѣренны и скромны. Чѣмъ же иначе, какъ не солидарностью со взглядами правительства могъ авторъ пріобрѣсти неоцѣнимое право говорить что думаетъ — право всѣмъ намъ данное въ нынѣшнее царствованіе, но потомъ опять отнятое?

Въ томъ, что „Русскій міръ“ является въ настоящемъ случаѣ оффиціознымъ органомъ правительства особенно утверждаетъ меня поразительное согласіе мыслей, развиваемыхъ въ статьяхъ, съ стремленіями, которыя начали обнаруживаться въ нашей администраціи и законодательствѣ еще года за три до 4 апрѣля 1866 года, и которыя, съ этого несчастнаго дня стали выступать все яснѣе и яснѣе. Общій ихъ смыслъ, какъ и программы, обнародованной въ „Русскомъ мірѣ“, есть отрицаніе преобразованій шестидесятыхъ годовъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ этой газеты недвухсмысленно, съ едва сдерживаемой досадой и горечью, говорится о порядкѣ дѣлъ, созданномъ у насъ со времени освобожденія крестьянъ, о крестьянскомъ и земскомъ

самоуправленіи, о мировой юстиціи, о мѣстной администраціи и бюрократіи. Авторъ статей увѣренъ, что сдѣланныя у насъ преобразованія „были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ слишкомъ теоретичны, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи"; что „выработанный исторіей русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ безсословности, т. е. низшимъ сословнымъ группамъ, представляемымъ на западный образецъ, никогда не существовавшимъ на русской почвѣ" (N. 108); что „въ началѣ реформъ имѣлось, кажется, въ виду заквасить развитыми умственными силами русскую всесословность на американскій образецъ" (N. 111). Наша коренная болѣзнь, говоритъ авторъ, это — обезличеніе и разбродъ, происходящіе отъ того, что дворянство, единственное связное и культурное у насъ сословіе, утоплено и разведено преобразованіями нынѣшняго царствованія въ массѣ черни, тогда какъ прочность правительства находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ связности культурныхъ слоевъ, разрываемой революціей, — чернью, которая живетъ внѣ культурнаго слоя (N. 89). Безсословности и происходящей отъ того разъединенности приписывается,

что земское дѣло у насъ не принялось, что дарованныя намъ льготы оказались „мертворожденными" (N. 95). Народъ нашъ, по убѣжденію автора, непризнаетъ демократическаго равенства и всесословности, ихъ проповѣдуютъ лишь семинаристы, выходящіе толпами въ чиновники (N. 99), и къ которымъ, главнымъ образомъ, авторъ примѣняетъ презрительное названіе *фризоваго пролетаріата.* Нашему народу, говоритъ онъ, невѣдомо полицейское самоуправленіе на швейцарскій ладъ (N. 79). На разные лады и во многихъ мѣстахъ развивается тема, что у насъ между крестьянствомъ и господами нѣтъ розни; что крестьяне въ своего брата не вѣрятъ, полагаются больше на правду господъ, а господиномъ считаютъ не какого нибудь забредшаго на ихъ сторону студента, а своего мѣстнаго, кореннаго помѣщика (NN. 81, 108, 157.) По мнѣнію автора, всесословная волость необходима, главнымъ образомъ для того только „чтобъ высвободить русскій народъ изъ подъ мужичьяго управленія, становящагося для него нестерпимымъ" (N. 81). — Трогательное довѣріе и единодушіе между дворянствомъ и народомъ разрушено реформами шестидесятыхъ годовъ, произведенными ненавистной автору

лѣвой стороной русскихъ мнѣній и бюрократіей, составленной снизу, какъ сказано, изъ семинаристовъ, вопящихъ о демократическомъ равенствѣ и всесословности. Чѣмъ ближе личный взглядъ человѣка подходитъ къ лѣвой сторонѣ русскихъ направленій, тѣмъ меньше самостоятельности въ его мысли. Бывшіе славянофилы признаются правой стороной; но серьозный смыслъ ихъ трудовъ, какъ увѣряетъ авторъ, не за ихъ теоріями и практическими заключеніями, а за ихъ анализомъ русскихъ понятій конца воспитательнаго періода, какимъ признается періодъ русской исторіи отъ Петра Великаго до нашего времени (N. 79); въ упрекъ же ставится славянофиламъ то, что они пришли на дѣлѣ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ и позднѣйшіе либералы „съ чужихъ словъ“, а именно, что они „искали спасенія въ сокровищахъ стихійной мудрости русскаго простонародья“ (N. 81). Что касается до бюрократіи, то она представляетъ „извѣстное обеспеченіе благонадежности и способности только въ высшихъ слояхъ, тѣхъ именно, которые ведутъ управленіе можно сказать теоретически, не соприкасаясь съ жизнью прямо“ (N. 120). Прямые слуги верховной власти, надежные и сознательно вѣрные болѣе всякаго чиновничества — это дворяне (N. 157); но у насъ параграфы закона вырабатываются начальниками отдѣленія. Въ видѣ образца теперешней мировой юстиціи приводится приговоръ мировыхъ судей по дѣлу Энкенъ, а въ видѣ образца нашихъ присяжныхъ — „крадущіе и просящіе милостыни присяжные изъ крестьянъ“ (N. 81).

Выводъ изъ такого обзора элементовъ русской жизни и управленія, изъ этой критики преобразованій шестидесятыхъ годовъ, вытекаетъ самъ собою. Дворянство есть единственное наше учрежденіе культурное, связное и наслѣдственное, и въ этомъ смыслѣ оно должно быть привиллегированнымъ слоемъ, должно занимать подобающее мѣсто въ государственномъ устройствѣ, служить ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая ее впрочемъ въ свою исключительную собственность (N. 108). Все земское самоуправленіе, властныя гражданскія должности, судъ и военная служба должны находиться въ дворянскихъ рукахъ „если и не исключительно, то болѣе, чѣмъ преимущественно“ (N. 134). Такого привиллегированнаго положенія наше дворянство достойно вполнѣ. „Къ нему власть могла всегда, по всякому поводу,

отнестись со всякимъ разумнымъ требованіемъ, въ полной увѣренности, что это требованіе будетъ исполнено немедленно и съ сочувствіемъ, хотя бы вынуждало къ большимъ жертвамъ" (N. 157). Но это сословіе должно быть преобразовано. Надобно „чтобъ доступъ въ него снизу былъ не слишкомъ затрудненъ и открывался не только лицамъ, повышающимся въ государственной службѣ, но и другимъ культурнымъ званіямъ; чтобъ ряды его раздвигались для извѣстныхъ размѣровъ и видовъ богатства и для умственныхъ заслугъ, чтобъ достойные люди изъ культурной среды могли *лично* группироваться около потомственной привиллегіи" (N. 108). Дворянству въ новомъ составѣ и обязательно служилому, представляющему извѣстный цензъ (для потомственныхъ дворянъ не менѣе 1000 р. годоваго дохода, для прочихъ членовъ сословія гораздо выше) съ присоединеніемъ качествъ (значительнаго чина, высокой ученой степени) должна быть исключительно передана въ уѣздахъ вся власть, все мѣстное земское самоуправленіе (NN. 108, 111): сельская полиція, тюрьма, надзоръ за неблагонадежными людьми, сборъ податей. Ему же должно принадлежать управленіе волостями. Должность

волостнаго начальника и мироваго судьи соединяются въ одномъ лицѣ. Въ эту должность избираются мѣстные помѣщики, живущіе въ волости или близъ нея, а головы изъ крестьянъ суть ихъ помощники. Полицейская власть переходитъ къ начальникамъ волостей (N. 115). Теперешнее земское самоуправленіе въ уѣздахъ и губерніяхъ упраздняется и замѣняется дворянскимъ, съ устраненіемъ въ уѣздахъ коронной администраціи отъ всякаго вмѣшательства въ земскія дѣла. Роль администраціи ограничивается, въ уѣздахъ, утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей (эти лица могутъ быть увольняемы отъ должности только по Высочайшему повелѣнію), преслѣдованіемъ виновныхъ передъ судомъ и пріостановленіемъ мѣръ, несогласныхъ съ видами правительства, впредь до рѣшенія свыше (N. 115).

Соотвѣтственно съ этими аттрибутами, дворянство организуется весьма сильно. Оно имѣетъ право избирать въ должности по своему усмотрѣнію „безъ всякой навязанной ему мѣрки." Оно можетъ всякаго принимать въ свою среду и всякаго исключать, при чемъ выражается желаніе, чтобъ исключеніе изъ числа избирателей

„отзывалось и на другихъ его правахъ.“ Лицо, хотя бы и удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, принимается избирателями въ свою среду не иначе, какъ голосованіемъ. Отмѣнено такое голосованіе можетъ быть только верховною властью. (Здѣсь конечно говорится объ отдѣльныхъ случаяхъ, а не объ общей мѣрѣ). Съ тѣмъ вмѣстѣ избирательный цензъ по образованію совершенно прекращается (N. 115). Всѣ властныя должности занимаются дворянами, съ исключеніемъ приказныхъ; точно также дворяне никогда не опускаются до приказныхъ должностей (N. 134). Губернскій предводитель дворянства пользуется совѣщательнымъ голосомъ въ „высшей правительственной средѣ.“ Губернскіе съѣзды дворянства имѣютъ право ходатайствовать предъ верховною властью о желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ и пользуются „потребной свободой“ взаимныхъ сношеній (N. 120). Высшія гражданскія должности въ службѣ замѣщаются земскими дѣятелями, сначала хотя бы въ областяхъ (N. 134). Этими мѣрами исполнится требованіе автора, чтобъ „направленіе дѣлъ было изъято изъ рукъ канцелярскихъ учрежденій.“ „Уравновѣсить двѣ силы, бюрократическую и земскую, происходящія изъ раз-

личныхъ источниковъ, выражающія совсѣмъ иныя отношенія правительства къ народу, даже другой возрастъ государства, вносящія въ общее дѣло духъ прямо противуположный — совершенно невозможно.“ Изъ этого авторъ послѣдовательно выводитъ что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ изъ чиновничества въ общество (N. 237). Согласно съ тѣмъ рекомендуется сокращать по возможности бюрократическія учрежденія, а сбереженія обратить на пользу земства, назначеніемъ безплатнымъ земскимъ должностямъ пособія отъ государства „въ полезныхъ размѣрахъ“ (N. 134). При такомъ значеніи, роли и власти дворянства, оно разумѣется должно отличаться отъ массы народной и отъ „переростающихъ чернорабочій слой“ степенью своего образованія. Наука въ полномъ ея значеніи должна стать привиллегіей высшаго сословія; черни же, простому народу, остается въ удѣлъ одна грамотность; а переростающимъ чернорабочій слой — одно техническое и ремесленное обученіе. Съ этою цѣлью правительственныя стипендіи, раздаваемыя нынѣ кому попало, должны быть обращены исключительно на образованіе дворянства, а прочимъ сословіямъ должно быть предоставлено не бо-

лѣе одной стипендіи на классическую гимназію (N. 126).

Всякому, кто хоть сколько нибудь слѣдилъ за тѣмъ, что у насъ дѣлается со времени освобожденія крестьянъ эта программа коротко знакома; новаго въ ней только то, что она теперь впервые распубликована во всеобщее извѣстіе, по всѣмъ видимостямъ съ одобренія правительства.*)

Бывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ, родоначальникъ теперешняго направленія нашей внутренней политики, и на словахъ и въ своихъ распоряженіяхъ неуклонно проводилъ ту же программу. Съ 1863 года, когда мирное разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса стало несомнѣннымъ, онъ громко началъ выражать глубокое презрѣніе къ губерніямъ, въ которыхъ, къ ихъ несчастію, дворянства или почти или вовсе нѣтъ; онъ систематически сталъ разрушать и убилъ институтъ мировыхъ посредниковъ, который на своихъ плечахъ вынесъ мирный исходъ освобожденія крестьянъ. Гдѣ только могъ, статсъ-секретарь Валуевъ, правдами и неправдами, урѣзывалъ права бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на земли, безспорно и изстари имъ принадлежавшія, нерѣдко уступленныя или проданныя имъ ихъ бывшими владѣльцами. Всѣ статьи положенія 19 февраля, которыя можно было толковать въ пользу и противъ крестьянъ, онъ постоянно толковалъ во вредъ имъ, въ пользу помѣщиковъ. Выборомъ Губернаторовъ и членовъ Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, на сколько отъ него зависѣло, онъ далъ другой оборотъ ходу крестьянскаго дѣла на мѣстахъ, ослабилъ и исказилъ духъ положеній 19[го] февраля. Достаточно было выразить дворянскій образъ мыслей, въ смыслѣ программы „Русскаго міра,“ заявить ненависть и презрѣніе къ крестьянамъ, чтобъ попасть въ члены Губернскихъ присутствій и Губернаторы; сочувствіе же къ крестьянамъ преслѣдовалось бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ какъ признакъ политической неблагонадежности и антимонархическаго образа мыслей. Гдѣ только статсъ-

*) Расказываютъ, будто редакція „Русскаго міра“, состоящая подъ покровительствомъ графа Воронцова-Дашкова, лица, приближеннаго къ Наслѣднику, получила недавно отъ послѣдняго, въ видѣ субсидіи на изданіе этой газеты, 25000 рублей. Неужели это правда? Что мысли, выраженныя въ статьяхъ: „Чѣмъ намъ быть“ составляютъ программу придворной клики, правящей теперь Россіей, объ этомъ мы знали давно. Но что имъ сочувствуетъ и Наслѣдникъ Престола, — это было для насъ неожиданною и прискорбною новостью, которой не хочется вѣрить.

секретарь Валуевъ могъ выразить свое недоброжелательство къ крестьянамъ, онъ его выражалъ самымъ недвухсмысленнымъ образомъ. Съ какимъ то непонятнымъ злорадствомъ онъ относился даже къ голодающимъ мужикамъ. Всѣмъ памятны его дѣйствія во время голода въ Архангельской губерніи. Единомышленники его пошли далѣе: они систематически выморили голодомъ половину Холмскаго уѣзда Псковской губерніи. Такой образъ дѣйствій съ голодающими крестьянами по видимому возведенъ въ административный принципъ, судя по недавнимъ распоряженіямъ Самарскаго Губернатора Климова.

Тотъ же взглядъ и таже система проводились бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и въ цензурномъ управленіи. Онъ небрезгалъ никакими средствами, чтобъ подавить въ нашей печати выраженіе направленія, благопріятнаго крестьянамъ и искуственно создавалъ органы, поддерживавшіе программу, обнародованную теперь въ „Русскомъ мірѣ." Одна петербургская газета, за свое дворянское направленіе сильно читавшаяся въ западныхъ губерніяхъ, получила субсидіи; редакціи другой газеты, лишенной за сочувствіе къ преобразованіямъ шестидеся-

тыхъ годовъ права безцензурной выписки иностранныхъ газетъ и журналовъ, дано знать, что она преслѣдуется за сочувствіе къ мужикамъ; ей предлагалось написать хоть одну статью въ пользу дворянства, чтобъ получить назадъ всѣ отнятыя у нея права. Бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ создана „Вѣсть," всѣмъ памятный органъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Передовыя статьи этой газеты, поразительно сходныя съ программой „Русскаго міра," какъ извѣстно, внушались Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, нерѣдко составлялись въ самомъ Министерствѣ и даже выносились прямо изъ кабинета Министра. Редакторъ „Вѣсти," В. Д. Скарятинъ былъ дѣятельнымъ членомъ Холмскаго земства, получившаго въ Россіи печальную извѣстность зamореніемъ голодною смертью половины мужиковъ Холмскаго уѣзда. Всякое сочувствіе къ крестьянамъ, всякое хотя бы самое умѣренное и справедливое порицаніе дворянства въ газетѣ, навлекало на себя предостереженіе, пріостановку или прекращеніе изданія. Славянофильскіе органы подвергались одной судьбѣ съ прочими, и программа „Русскаго міра" объясняетъ, почему они ставились на одну доску съ своими врагами. Вина ихъ заключается

только въ томъ, что они выражали большое сочувствіе къ мужикамъ.

Всесословныя земскія учрежденія, народившіяся при статсъ-секретарѣ Валуевѣ и по странной игрѣ случая ввѣренныя его опекѣ и покровительству — не избѣгли участи мировыхъ учрежденій и печати. Бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не скрывалъ глубокаго къ нимъ нерасположенія, и не будучи въ силахъ переустроить ихъ по своему, убилъ ихъ административными и законодательными мѣрами. Новый порядокъ обложенія купечества сборами въ пользу земства, новый порядокъ дѣлопроизводства въ его собраніяхъ, огромныя права, предоставленныя ихъ предсѣдателямъ и, къ довершенію всего, подчиненіе земствъ цензурѣ Губернаторовъ, рядомъ съ крайне недоброжелательнымъ отношеніемъ послѣднихъ и министерства къ земскимъ учрежденіямъ и ихъ ходатайствамъ, что выражалось на каждомъ шагу въ единичныхъ дѣйствіяхъ и въ общихъ распоряженіяхъ — все это задушило всесословную земскую жизнь и дѣятельность почти въ самую минуту ихъ зарожденія.

Что касается до мысли о различныхъ степеняхъ обученія для различныхъ слоевъ общества и объ открытіи одному привиллегированному сословію доступа къ высшему образованію, то она дѣятельно и явно проводится теперешнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Подъ благовиднымъ предлогомъ усиленія классическаго образованія поступленіе въ Университеты и Медицинскую академію до того затруднено, что они пустѣютъ, по недостатку учащихся, а изъ Гимназій воспитанники тысячами выбрасываются на улицу, и за неимѣніемъ занятій, не зная куда дѣваться и что начать, идутъ пополнить ряды разносителей прокламацій и возмутительныхъ брошюръ. Ученье до того горько, что юноши и дѣти, не дожидаясь его сладкихъ плодовъ, вѣшаются, застрѣливаются, топятся. Но графъ Толстой гораздо послѣдовательнѣе своихъ товарищей по Министерству, и не спѣшитъ сдѣлать мужиковъ грамотными. Деньги, отпускаемыя государствомъ, идутъ не на открытіе новыхъ школъ и поддержаніе существующихъ, а на размноженіе инспекторовъ. Многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ способствовать увеличенію числа училищъ, по возможности мѣшаютъ ихъ открытію и пользуются всякими предлогами, чтобъ закрывать тѣ, какія есть*).

*) Ссылаюсь на слѣдующіе факты: въ одной губерніи инспекторъ такъ грубо отнесся къ помѣщику, устроившему

Обстоятельства благопріятствовали придворной кликѣ въ проведеніи программы, обнародованной въ „Русскомъ мірѣ.“ Прошлое царствованіе, изъ страха революціи, задавило, съ 1849 года, университеты, гимназіи, литературу и всякое выраженіе самостоятельной мысли, въ чемъ бы то ни было. Слабые зачатки серьознаго и солиднаго знанія, насажденные съ такимъ трудомъ графомъ Уваровымъ, были, вслѣдствіе того, истреблены. Изученіе науки замѣнилось чтеніемъ запрещенныхъ брошюръ; мѣсто просвѣщенной мысли, невозможной безъ нѣкоторой свободы, заступила самая поверхностная болтовня обо всемъ на свѣтѣ. Съ такимъ отсутствіемъ солиднаго знанія и большимъ запасомъ либеральныхъ фразъ наткнулись мы на восточную войну и перешли въ нынѣшнее царствованіе. Унизительный миръ и внутренніе непорядки, завѣщанные новому времени, не могли

сельскую школу на свой счетъ, за какую то перегородку, что помѣщикъ прогналъ его и закрылъ школу. Въ другой губерніи Инспекторъ рекомендовалъ смотрителю училищъ закрывать плохія школы, подъ предлогомъ неимѣнія въ виду способныхъ учителей. Еслибъ печать не была у насъ такъ стѣснена, то эти темныя дѣла всплыли бы наружу. Теперь они скрываются подъ спудомъ, какъ въ худшія времена нашей вынужденной нѣмоты.

не накопить много горечи въ сердцахъ людей. Съ перемѣной царствованія ожили надежды на лучшее будущее; мысли дано нѣсколько простора; въ публикѣ и правительственныхъ сферахъ стали громко говорить о необходимости коренныхъ реформъ и поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. При такомъ положеніи дѣлъ, послѣ долгаго, искусственнаго застоя, броженіе умовъ не могло не быть сильнымъ, и какъ вездѣ и всегда, не обошлось безъ прискорбныхъ увлеченій и крайностей, которыя были тѣмъ естественнѣе, что мы встрѣтили новое время съ большимъ запасомъ горечи и съ крайне слабымъ запасомъ знанія, мысли и практической опытности. Важные интересы общественные, матерьяльные и нравственные, затронутые освобожденіемъ крестьянъ, еще усилили броженіе; а вдобавокъ, одновременно и тѣмъ, подготовлялось польское возстаніе, разразившееся въ началѣ 1863 года.

Придворная клика, состоявшая изъ горсти людей, ловко воспользовалась этими обстоятельствами. Броженіе истолковано ею въ глазахъ власти какъ революціонное движеніе. При помощи искусной подтасовки, люди, сочувствовавшіе преобразованіямъ смѣшаны въ одинъ

разрядъ съ увлекавшимися юношами. Мало по малу, вопросъ былъ чудовищно извращенъ: кто сочувствовалъ новымъ порядкамъ, вводимымъ правительствомъ, тотъ сталъ слыть за революціонера, противника верховной власти; а тѣ, которые противились преобразованіямъ, выданы за друзей порядка и правительства.

Сначала клика, группировавшаяся около бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствовала осторожно, изъ-подтишка. Необходимость преобразованій была слишкомъ очевидна, чтобъ можно было вдругъ увѣрить власть въ ихъ зловредности. Передергивать надо было исподоволь, пользуясь увлеченіями прессы и юношества, а между тѣмъ, подъ рукой, подбирать единомышленниковъ. Крупные землевладѣльцы, захваченные въ расплохъ освобожденіемъ крестьянъ, возможности котораго не вѣрили до конца, представляли для видовъ клики самую удобную среду и самый обильный матерьялъ. Статсъ-секретарь Валуевъ ласкалъ ихъ, вмѣстѣ съ ними порицалъ реформы, поддерживалъ въ этомъ слоѣ надежды на лучшее будущее видами на послѣдующую отмѣну ненавистныхъ преобразованій и на введеніе конституціи въ дворянскомъ смыслѣ. Подзадоренные и поддержанные имъ, крупные зем-

левладѣльцы ораторствовали въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, а Министръ Внутреннихъ Дѣлъ пользовался ихъ краснорѣчіемъ, чтобъ дискредитировать въ глазахъ власти пользу реформъ вообще и земскихъ учрежденій въ особенности.

Но одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица. Чтобъ придворная клика могла организоваться и забрать власть въ свои руки, ей нужно было захватить всѣ министерскіе портфели. Мысль эта проводилась въ высшихъ сферахъ подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что правительство, при министерствѣ, состоящемъ изъ лицъ съ различными взглядами и направленіями, не имѣетъ необходимаго единства и силы, что нужно министерство однородное, нѣчто въ родѣ европейскаго министерскаго совѣта, съ премьеромъ во главѣ. Злосчастное 4 апрѣля 1866 года подошло какъ нельзя больше кстати для этихъ цѣлей. Благодаря ему, почти однородное министерство образовалось въ смыслѣ придворной клики. Два чрезвычайно важныхъ поста — Шефа жандармовъ и Министра Народнаго просвѣщенія замѣщены ея членами. Мало по малу, въ ея же руки перешли Министерства Юстиціи, Путей Сообщенія и Госу-

дарственныхъ Имуществъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ еще прежде замѣщено было, послѣ выхода статсъ-секретаря Валуева, членомъ той же клики. Такимъ образомъ, мечта о компактномъ министерствѣ почти осуществилась.

Пополнивъ свои ряды и скомпрометировавъ окончательно въ глазахъ власти и преобразованіе шестидесятыхъ годовъ и людей, которые ихъ провели и поддерживали, наполнивъ администрацію исключительно своими приверженцами, задавивъ всякое выраженіе мнѣній въ печати, клика могла считать свое положеніе обезпеченнымъ, и дѣйствовать открытѣе и рѣшительнѣе. Планъ ея, проступавшій сначала только въ отдѣльныхъ чертахъ, созрѣлъ вполнѣ для осуществленія и было уже приступлено къ его исполненію. Знаменитая коммиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи должна была подготовить введеніе дворянской конституціи сверху, а программа „Русскаго міра", новосозданнаго органа клики послѣ паденія „Вѣсти", очевидно была предназначена къ тому, чтобъ подготовить публику къ выработанному графомъ Шуваловымъ, можетъ быть при содѣйствіи редакціи „Московскихъ Вѣдомостей", про-

екту преобразованія мѣстнаго управленія въ Имперіи, въ томъ же дворянскомъ смыслѣ. Выходъ его и графа Бобринскаго изъ министерства кажется пріостановилъ осуществленіе этихъ плановъ. Надолго или навсегда — это покажетъ время.

Ниже я разберу основанія программы „Русскаго міра" и данные, на которые она опирается. Но какова бы она ни была, несомнѣнно, что она служитъ только предлогомъ для чисто личныхъ видовъ клики. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить слова съ дѣлами. Придворная клика ненавидитъ бюрократію будто бы за то, что съ нею несовмѣстима гражданская и политическая свобода. Судя по программѣ, водвореніе во власти крупнаго землевладѣнія должно начать въ Россіи эру законности, возможной свободы, личныхъ гарантій, просвѣщенія. Но вотъ ужъ десять лѣтъ, что власть находится почти нераздѣльно въ рукахъ партіи, которая проводитъ эту либеральную программу, и что же мы видимъ? Никогда, со временъ Бирона, такой нестерпимый гнетъ не тяготѣлъ надъ Россіей, никогда личность не была менѣе обезпечена, произволъ администраціи не царилъ такъ безнаказанно, литература и мысль не были въ такихъ

тискахъ, школа и воспитаніе въ такомъ жалкомъ положеніи! Мы дошли то того, что сожалѣемъ о прошломъ царствованіи! Литература и наука сочли бы за благодѣяніе возстановленіе предварительной цензуры. Оказывается на повѣрку, что ненавистная бюрократія, какова она ни есть, все таки менѣе притѣснительна, произвольна и безпощадна, чѣмъ придворная клика, у которой либеральныя фразы и конституція не сходятъ съ языка.

Ничто не развращаетъ такъ народа въ корень, какъ двуличность правительства. Живой этому примѣръ мы видимъ на Франціи. Съ воцареніемъ въ Россіи придворной клики, съ легкой руки статсъ-секретаря Валуева, ложь и обманъ всосались какъ ядъ въ нашу администрацію, по образцу второй Французской имперіи. Съ 1863 года наше правительство исподволь, но неудержимо раздѣливаетъ то, что сдѣлано въ первую половину нынѣшняго царствованія. Еслибъ правительство прямо, открыто, честно заявило новую программу, то всякій по крайней мѣрѣ зналъ бы чего она хочетъ и могъ сообразно съ тѣмъ дѣйствовать. Но придворная клика, забравъ власть въ свои руки, не смѣла этого сдѣлать. Она дѣйствовала въ тихомолку, какъ

тать ночью, какъ министры второй имперіи, служащіе образцомъ нашимъ. Всѣ законы удержаны, они, по буквѣ, дѣйствуютъ; всѣ учрежденія съ виду оставлены безъ перемѣны; а на дѣлѣ, въ силу циркуляровъ, тайныхъ приказовъ и личныхъ инструкцій, нигдѣ не записанныхъ, смыслъ и духъ законовъ и учрежденій сталъ совсѣмъ другой, противуположный первоначальному назначенію и буквѣ. Тѣ, которые живутъ въ Петербургѣ и имѣютъ возможность знать лично или по слухамъ то, что происходитъ въ правительственныхъ сферахъ, давно уже видятъ эту перемѣну и отлично понимаютъ, что у насъ теперь, больше чѣмъ когда нибудь, законъ — мертвая буква, которую само правительство ни въ грошъ не ставитъ. Но по истинѣ ужасно положеніе частныхъ лицъ и чиновниковъ, живущихъ въ провинціи, въ глуши, и до которыхъ недолетаютъ слухи о томъ, что во вторую половину нынѣшняго царствованія вмѣняется въ преступленіе и преслѣдуется то, что предписывается законами, изданными въ первую половину, какъ долгъ вѣрноподданнаго. Особенно безпомощно въ этомъ отношеніи положеніе темной массы мужиковъ и полуграмотныхъ или безграмотныхъ маленькихъ людей. На эти слои

общества, лицемѣріе и двуличность правительства дѣйствуютъ самымъ губительнымъ, растлѣвающимъ образомъ. Человѣкъ увѣренъ, что исполняетъ свой долгъ, слѣдуя закону; непосвященный въ программу клики, онъ воображаетъ, что этимъ обеспечиваетъ за собою мѣсто и кусокъ хлѣба для себя и семьи; а его, именно за точное выполненіе закона и выгоняютъ изъ службы! У насъ и безъ того мало уваженія къ закону и въ этомъ наше несчастіе, а теперешняя правительственная система искореняетъ въ массахъ и тотъ небольшой страхъ передъ закономъ, какой уцѣлѣлъ какимъ то чудомъ при нашихъ порядкахъ. Преслѣдованіе за исполненіе закона, ненавистнаго придворной кликѣ, конечно дѣлается не прямо: противное было бы рискованно, да и слишкомъ наивно; а къ тому же цѣль какъ нельзя лучше достигается косвенными путями. Виноватаго въ исполненіи закона обходятъ наградами, къ нему придираются, ошибки его раздуваются въ преступленія по должности, начальство ему неблаговолитъ, его оскорбляютъ. Если все это не дѣйствуетъ и перевести или выгнать его изъ службы, съ нѣкоторою благовидностью, никакъ нельзя, то есть еще весьма удобный случай отъ него отдѣлаться: упраздня-

ется мѣсто, которое онъ занимаетъ. Такъ уволены многіе непріятные бывшему Министру Внутреннихъ Дѣлъ мировые посредники, пока нельзя было, какъ впослѣдствіи, устранять ихъ отъ должности безъ церемоній и помимо Сената. Напротивъ, лица, пріятныя Министерству удерживаются на службѣ, не смотря на вопіющія дѣла. Придворная клика, искусная въ интригахъ, умѣетъ только клеветать на бюрократію, подкапываться подъ то, что другіе дѣлаютъ, разрушать обдуманныя учрежденія. Создать она ничего не умѣетъ. Получивъ въ свои руки власть, она оказывается неспособною завести хотя бы только правильный ходъ административной машины. Ее это и мало интересуетъ, она этимъ не занимается, предоставляя дѣламъ идти какъ они себѣ хотятъ. Никто теперь и не управляетъ дѣлами. Мы живемъ въ полной анархіи. Дѣятельно ведутся только интриги.

Послѣдствія такого образа дѣйствій придворной клики и лицемѣрнаго нарушенія ею закона, служащаго людямъ и руководствомъ въ поступкахъ и огражденіемъ ихъ личнаго и матеріальнаго положенія, незамедлили обнаружиться. Безправіе, небывалый хаосъ въ администраціи, необезпеченность никого и ни въ чемъ.

безнаказанность самыхъ наглыхъ нарушеній правъ, медленность въ удовлетвореніи несомнѣнныхъ и законнѣйшихъ требованій — все это производитъ всеобщее неудовольствіе и ропотъ, которые раздаются все громче. Правительство потеряло всякое уваженіе и всякое довѣріе. Въ его справедливость и мудрость никто больше не вѣритъ. Самое горестное то, что интриги клики, о которыхъ огромное большинство не имѣетъ понятія, вызываютъ охлажденіе и недовѣріе не къ ней, а къ верховной власти, которую она представляетъ, именемъ которой дѣйствуетъ. Пишущій эти строки не разъ имѣлъ, къ глубокому прискорбію, случай лично удостовѣриться, что простой народъ, до сихъ поръ свято чтившій имя Царя, считавшій его земнымъ Богомъ, теперь видимо къ нему охладѣваетъ и ему приписываетъ тяжесть своего положенія. Положеніе его, дѣйствительно стало въ послѣднее время нестерпимо тяжело. Никто о темной массѣ не заботится, не къ кому ей обратиться за добрымъ словомъ и помощью; всякій только пользуется ея невѣжествомъ и спѣшитъ поживиться на ея счетъ. Губернаторы, исправники, мировые посредники взыскиваютъ съ народа подати съ безпощадностью татарскихъ баскакъ, не обращая

вниманія на средства и удобства плательщиковъ, не соблюдая правилъ, установленныхъ закономъ въ обеспеченіе за недоимщикомъ по крайней мѣрѣ возможно выгодной продажи его имущества на уплату недоимки. Розги при взысканіи податей въ такомъ же ходу, какъ при блаженной памяти Окружныхъ Государственныхъ имуществъ. Губернаторы не только не смотрятъ за тѣмъ, чтобъ исправники и посредники не выходили изъ границъ закона, но ни о чемъ больше и не говорятъ имъ, какъ о безпощадномъ взысканіи податей, во что бы то ни стало. Какъ же не роптать темнымъ массамъ, съ которыхъ правительство тянетъ послѣднее, не заботясь больше ни о чемъ.

Точно хищная орда напустилась придворная клика на Россію, легкомысленно раздражая всѣхъ и все и расчитывая на испытанное долготерпѣніе русскаго народа. Но и оно, какъ все на свѣтѣ, вѣроятно тоже имѣетъ свои предѣлы. Если у насъ нельзя ожидать революціи, то возможны, какъ показываетъ исторія, смутныя времена, вызываемыя интригами и безправіемъ олигарховъ. Такія времена бывали безобразнѣе всякихъ революцій.

Всего прискорбнѣе то, что кары, насланныя

на Россію съ воцареніемъ придворныхъ интригантовъ, дѣлаются во имя историческихъ и политическихъ софизмовъ, которые и опровергать-то совѣстно, такъ они отзываются мудростью гвардейскаго офицерства, нашедшаго продажнаго, или ужъ черезъ чуръ наивнаго книжника и писаку, чтобъ придать нелѣпостямъ грамотную форму и успастить ихъ блестками мнимой учености, столь дешевой въ наше время. Политическія мечтанія придворной клики не имѣютъ курса въ Россіи, кромѣ тѣснаго петербургскаго кружка и немногочисленныхъ его приверженцевъ въ Москвѣ и кое-гдѣ въ провинціи. Восхищаться ими и строить на нихъ свои надежды и планы могутъ только остзейскіе бароны и польскіе паны, живущіе старо-европейскими, а не русскими преданіями.

Въ статьяхъ „Русскаго міра“ не разъ провозглашается, что воспитательный періодъ нашей исторіи кончился. Къ несчастію это не такъ. Стоитъ вникнуть въ програму и высказанные ею мотивы, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Соображенія, на которыхъ програма построена взяты не изъ живой русской дѣйствительности и не изъ ея прошедшаго, а изъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ книгъ. Авторъ

програмы горько упрекаетъ нашу, такъ называемую лѣвую сторону мнѣній въ томъ, что она продолжаетъ пережевывать заграничные взгляды. Но програма грѣшитъ тѣмъ же, и столькоже, если не больше. Положительно или отрицательно, мы продолжаемъ и по сей день пробавляться европейскими образцами и системами, точно также, какъ и встарь. Програма „Русскаго міра“ есть такое же книжное измышленіе, съ помощью иностранныхъ представленій, какъ наши теоріи на манеръ Фурье и европейскихъ союзовъ рабочихъ, и не имѣетъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи ничего общаго. Случайное сходство отрывочныхъ фактовъ, которое можно отыскать, обращаясь куда угодно, — въ Азію и С. Американскіе штаты, къ дикимъ племенамъ и просвѣщеннымъ народамъ, одинаково сбиваетъ съ толку автора статей „Русскаго міра“ съ нашими несчастными юношами, спасающимися отъ латыни въ бакунинскія объятія.

Отрицательная сторона статьи „Чѣмъ намъ быть?“ во многомъ очень справедлива, хотя она могла бы быть полнѣй и коснуться многаго, что обойдено авторомъ благоразумнымъ молчаніемъ, отчасти страха ради судейска, а еще больше въ виду спеціальной цѣли газеты. Мы

дѣйствительно обезличены, мы въ самомъ дѣлѣ въ разбродѣ, особенно наши мнѣнія. Теперь не назовешь двухъ людей, которые были бы согласны между собою, хотя бы въ существенныхъ пунктахъ. Вся Россія, какъ справедливо выражается авторъ, представляетъ какой то студень, — нѣчто въ родѣ моллюска или даже протоплазмы. Ничто у насъ не сложилось, не кристаллизировалось; есть только намеки на элементы и органы общественной жизни, но ничего выработаннаго, опредѣлившагося нѣтъ. По такимъ намекамъ можно догадываться скорѣй о томъ, чего у насъ не будетъ, чѣмъ о томъ, во что сложится и опредѣлится наше общественное и политическое тѣло, очевидно новой формаціи, неподходящее ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ типовъ. Все это такъ. Отсюда слѣдовало бы кажется вывести, что надо, не мудрствуя лукаво, приглядываться къ жизни этого политическаго и общественнаго эмбріона, чутко и зорко слѣдить за его собственными наклонностями и расположеніями и осторожно имъ удовлетворять, не предрѣшая ничего. Такъ диктуетъ здравый смыслъ и въ воспитаніи дѣтей, о которыхъ мы тоже не знаемъ, что изъ нихъ выйдетъ впослѣдствіи. Всякія деспотическія, крутыя мѣры, за-

ранѣе составленныя програмы воспитанія народовъ и людей, именно по этой причинѣ, уже изгнаны изъ политики и педагогіи. До сихъ поръ насъ гнули и крутили то на византійскій, то на польскій, то на голландскій, шведскій, остзейскій, нѣмецкій, французскій и англійскій лады. Съ провозглашеннымъ окончаніемъ воспитательнаго періода все это должно бы кончиться. Въ первые десять лѣтъ нынѣшняго царствованія похоже было на то, что измученные и изломанные на разные заграничные лады, мы наконецъ начнемъ жить сами по себѣ, на свой собственный ладъ. Но эта надежда не исполнилась. Авторъ програмы подогрѣваетъ старый соусъ и приглашаетъ, по книжнымъ соображеніямъ, сочинить привиллегированный классъ въ уѣздахъ, на манеръ англійскаго и предоставить исключительно ему всю нашу будущую судьбу и развитіе, съ устраненіемъ всесословности и коронной администраціи. Исторически данное ядро такого класса онъ находитъ въ нашемъ дворянствѣ. Вотъ тема, вотъ исходная мысль. Безъ возсозданія наслѣдственнаго и привиллегированнаго дворянства въ новомъ составѣ, съ политическими правами нѣтъ намъ, по мнѣнію автора, никакого спасенія, а отъ возсозданія его

онъ ожидаетъ для насъ всяческаго благополучія. Вся ошибка нашихъ реформъ, въ шестидесятыхъ годахъ, заключается, какъ онъ увѣряетъ, въ томъ, что дворянство было ими распугано, разогнано и уничтожено какъ сословіе.

Но когда же, спрашивается, въ продолженіе всей русской исторіи, наше дворянство обнаруживало хотя бы тѣнь связной, совокупной общественной жизни? Въ Новгородѣ и Псковѣ, въ прибалтійскомъ и западномъ краѣ, въ Малороссійскомъ казачествѣ и Польшѣ мы видѣли и отчасти видимъ и теперь высшіе классы, дѣйствующіе сообща, связно, преслѣдующіе извѣстныя политическія и общественныя цѣли. Но собственно въ Россіи, въ бывшемъ Московскомъ Государствѣ, въ теперешнихъ внутреннихъ губерніяхъ, никогда не было ничего похожаго. Существованіе у насъ аристократическихъ элементовъ авторъ отрицаетъ, но зародыши дворянскаго сословія ему кажутся несомнѣнными. Но гдѣ эти зародыши? Авторъ жалуется, что видитъ *дворянъ*, но не видитъ *дворянства*. Таковъ, однако, сверху до низу, весь русскій бытъ. У насъ были бояре и не было никогда боярства; были, есть и будутъ духовные, купцы, мѣщане, ремесленники, крестьяне, но никогда не было и

повидимому не будетъ духовенства, купечества, мѣщанства, крестьянства въ смыслѣ дѣйствительныхъ сословій. Всѣ наши разряды, не исключая дворянства, означали родъ занятій, общую повинность, тягло или службу, но никогда не имѣли они значенія общественнаго организма, общественной формаціи, съ задатками политической или общественной связной жизни. Это было совершенно невозможно по самому способу образованія Русскаго государства и по свойству нашей верховной власти. Автора сбиваютъ съ толку сословныя формы, заимствованныя изъ Европы, въ которыя насъ одѣли въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ камзоломъ, треугольной шляпой и шпагой. Одно время намъ дѣйствительно казалось, что новая одежда пристала намъ какъ разъ къ лицу; но это было недоразумѣніе, которое произошло только отъ того, что мы переряживались какъ малолѣтнія дѣти, не понимая хорошенько что дѣлаемъ и которое разъяснилось очень скоро. Оказалось, что мы соединяли съ новымъ костюмомъ совсѣмъ не то понятіе, какое онъ собою выражалъ и вносили въ него свое, доморощенное. Какъ только мы стали сколько нибудь понимать себя, тотчасъ же сдѣлалось яснымъ глубокое противорѣчіе между навязаннымъ или навѣяннымъ и

естественнымъ, тѣмъ, что мы есть на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ ни одного мыслящаго, просвѣщеннаго русскаго человѣка, который, будучи знакомъ съ политическими и общественными вопросами, чувствовалъ бы себя легко и свободно въ своемъ сословномъ, такъ называемомъ общественномъ разрядѣ. Никому эти разряды не по сердцу, никто въ нихъ не укладывается, всѣхъ они тяготятъ и тѣснятъ. От богатаго дворянина до крестьянина, всѣ вкусившіе отъ плода образованности, относятся отрицательно, иронически, чуть не враждебно къ сословной средѣ, въ которой родились и изъ которой спѣшатъ выбраться. Нѣтъ! мы по природѣ не тотъ народъ, который умѣетъ жить по-сословно или поразрядно. Стоитъ взглянуть на нашу литературу всѣхъ временъ: про какой общественный разрядъ, про какое сословное общество она отзывалась иначе, какъ съ злой ироніей? Это потому, что ни одно изъ нашихъ сословій или званій, созданныхъ закономъ или родомъ занятій, никуда не годится, въ смыслѣ общественной единицы, организованнаго общества, хотя въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтить весьма достойныхъ, вполнѣ развитыхъ, образованныхъ, порядочныхъ и честныхъ людей.

Наше дворянство не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. И до Петра Великаго, когда оно было замкнутымъ, служилымъ разрядомъ, раздѣленнымъ на множество наслѣдственныхъ „чиновъ", и послѣ Петра, когда оно преобразовано по европейскому образцу въ высшее сословіе, наслѣдственное же, но пополнявшееся выслугой и пожалованьемъ, наше дворянство выставляло много почтенныхъ, достойныхъ и талантливыхъ людей на всѣхъ поприщахъ. Наполняя и послѣ отмѣны обязательной службы, по привычкѣ и преданію, высшія и среднія государственныя, гражданскія и военныя должности, большинство дворянства, волей-неволей приняло европейскіе обычаи и нравы, и стало причастно европейской образованности. Въ качествѣ служилаго класса и будучи сравнительно наиболѣе просвѣщенной средой, оно было главнымъ представителемъ и дѣятелемъ преобразованія. Но никогда, ни разу, отъ начала до нашихъ дней, дворянство не играло этой видной и почтенной роли какъ сословіе, какъ общественная единица, даже не какъ собраніе губернскихъ или уѣздныхъ общественныхъ группъ, а всегда, постоянно какъ среда, изъ которой выходило образованное, дѣятельное меньшинство, честно и преданно слу-

жившее своему отечеству и дѣлу образованія; но служило оно не въ духѣ той среды, изъ которой вышло, а напротивъ наперекоръ, вопреки ей. Это меньшинство, въ дѣятельности своей, никогда не выражало духъ, желанія, стремленія дворянскаго сословія, а напротивъ духъ, требованія и стремленія государства, котораго они были слугами, которое ихъ возвышало, обогащало и поддерживало.

Со временъ Петра III и Екатерины II, до послѣднихъ преобразованій, дворянство, можно сказать, держало въ своихъ рукахъ Россію. Половина Имперіи была ему закрѣпощена, мѣстная полиція и мѣстный судъ принадлежали ему; коронная администрація, сверху до низу, состояла почти исключительно изъ дворянъ. Всѣ высшія и среднія должности и мѣста въ войскѣ занимались тоже почти исключительно дворянами. Будь въ дворянской средѣ хоть тѣнь связности, хоть малѣйшая наклонность сложиться въ общественную или политическую единицу, это бы сказалось въ чемъ нибудь. Оно и сказалось въ упорномъ, цѣпкомъ отстаиваньи крѣпостнаго права, но на попытки организоваться въ общественное тѣло, съ политическимъ оттѣнкомъ, занять болѣе или менѣе самостоятельное мѣсто

посреди другихъ элементовъ, укрѣпить за собою и по возможности развить свои корпоративныя права какъ общественной единицы, — на все это, чрезъ долгую исторію нашего дворянства, нѣтъ и намека. Остзейцы, поляки и ополяченные дворяне западныхъ губерній воспользовались своими правами и положеніемъ совсѣмъ иначе. Я и не думаю ставить нашему дворянству въ укоръ, что оно не походило на остзейское или польское; слава Богу, что оно такимъ не было. Я только доказываю, что оно играло у насъ роль какъ среда, а не какъ политическій и даже не какъ общественный элементъ, какъ слой, а не какъ организмъ, даже не какъ зародышъ организма. Эти безспорные факты опровергаютъ теорію „Русскаго міра" въ самомъ корнѣ. То, изъ чего не могло развиться политическаго или общественнаго тѣла при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ сложиться въ такое тѣло, когда дуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ. Поляки тоже все еще надѣются возстановить свое государство. Но если они не съумѣли или не смогли сохранить его, когда оно существовало, то какъ мечтать имъ объ этомъ теперь, когда оно пало? Тоже самое, и по тѣмъ же причинамъ, можно сказать и „Русскому міру",

мечтающему у насъ о дворянствѣ въ смыслѣ политическаго или общественнаго сословія. Мысль эта — книжная, выдуманная съ перомъ въ рукѣ, а не живая, вызванная дѣйствительными фактами и потребностями. Во имя ея можно надѣлать у насъ много бѣдъ, замедлить наше общественное развитіе, затемнить на время наше сознаніе, сбить съ толку власть и правительство, отвлечь ихъ отъ ихъ прямой задачи и дѣла, но создать изъ этой мысли что нибудь на пользу Россіи никакъ нельзя. Чего природа, жизнь, исторія не дали, того никакія человѣческія усилія не дадутъ. Мы можемъ только развивать, воспитывать, совершенствовать существующее; создавать небывалое изъ ничего не въ нашей власти.

Мы русскіе большіе самохвалы и краснобаи, но нельзя сказать чтобъ мы были особенно изобрѣтательны. Наладимъ пѣсню и тянемъ ее вѣки, все одну и ту же. Кто нибудь одинъ выдумаетъ красное словцо, зная что оно только въ половину правда, или даже вовсе неправда, и другіе сто лѣтъ будутъ его повторять. Кто то сочинилъ, очевидно на французскій манеръ, что „дворянство есть опора престола и отечества“, что „Государь первый дворянинъ“, что „дворянство за царя и отечество кровь свою проли-

вало“ и вотъ всѣ мы повторяемъ эти фразы въ сласть, и что́ всего забавнѣе, повторяемъ въ увѣренности, что въ нихъ заключается нѣчто, исключительно принадлежащее дворянству, составляющее предметъ только его гордости, чести и славы. Но опору отечества и престола, сколько извѣстно, составляютъ и купцы, и мужики, и чиновники, и духовные, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и дворянство; кровь свою проливаютъ за царя и отечество ужъ конечно не одни дворяне; а феодальное представленіе о царѣ-дворянинѣ вовсе намъ чуждо. Въ народной сказкѣ сказывается, что Иванъ Грозный былъ крестьянскій парень Ванюха, выбранный на царство въ Москвѣ, но о царѣ-дворянинѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія въ народѣ. Царь у насъ для всѣхъ сословій и званій Царь, а не для однихъ дворянъ. Дворянству, какъ служилому классу, было естественно и удобно оттирать другія званія и выставлять на видъ свои заслуги, преимуществено передъ всѣми прочими. Но вѣдь въ сущности ни власть, ни сами дворяне не принимаютъ этихъ фразъ за чистыя деньги. Обѣ стороны отлично понимаютъ, что въ устахъ дворянства такія увѣренія не больше какъ самохвальство и не безъ расчета на царскія

милости, а сo стороны власти — простой комплиментъ, изъ котораго ничего не слѣдуетъ. Смѣшно и странно, когда люди мыслящіе и ученые вдругъ принимаютъ эти фразы за нѣчто серьозное, вѣрятъ имъ, какъ выраженіямъ будто бы дѣйствительныхъ фактовъ. Выставляютъ, на примѣръ заслуги дворянства, какъ сословія, въ спасеніи отечества въ 1812 году. Но вѣдь не одно же дворянство спасло Россію! Спасали его всѣ, отъ мала до велика, отъ Царя до послѣдняго мужика. Какая же тутъ особенная заслуга дворянства? Теперь вошло въ моду говорить и повторять, что дворянство совершило безпримѣрный въ исторіи подвигъ самоотверженія, уничтоживъ собственными руками крѣпостное право въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и принеся на алтарь отечества свое матерьяльное благосостояніе. Подождали бы по крайней мѣрѣ, пока вымретъ поколѣніе, видѣвшее своими глазами какъ происходило освобожденіе крестьянъ, и тогда бы пустили въ ходъ эту самохвальную фразу! Освобожденіе крѣпостныхъ, какъ и всѣ великія преобразованія въ Россіи, совершено незамѣтнымъ меньшинствомъ, въ ту минуту, когда власть была расположена это сдѣлать. Дворянство, какъ сословіе, было тутъ рѣ-

шительно не при чемъ. Что касается огромнаго большинства дворянъ, то они всегда относились къ этому преобразованію крайне враждебно, мѣшали ему сколько было возможно, и при Александрѣ I., и при Николаѣ, и въ нынѣшнее царствованіе. Оно, это большинство, сколько могло, тормозило освобожденіе, урѣзывало землю у крестьянъ на мѣстахъ, урѣзывало цифры ихъ надѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, уступило царской волѣ крайне неохотно и до сихъ поръ продолжаетъ вздыхать по крѣпостномъ правѣ, гдѣ и когда можетъ срывая душу на мужикѣ. Дворяне, освоившіеся съ свободою крестьянъ, примирившіеся съ новымъ положеніемъ дѣлъ, и теперь еще далеко не составляютъ большинства. Ссылаются на то, что главные дѣятели реформы были, въ огромномъ большинствѣ, дворяне: это безспорно; но при этомъ забываютъ, что дѣятели эти составили въ дворянствѣ незамѣтное меньшинство, что они были, для дворянства, предметомъ ненависти, что это меньшинство призвано было къ отмѣнѣ крѣпостнаго права не по выбору или назначенію самаго дворянства, а по выбору и назначенію власти и правительства, которое заботилось о томъ, чтобъ въ члены Губернскихъ присутствій и мировые посредники

попали люди, расположенные къ дѣлу; но и это, при всемъ стараніи, удалось не вполнѣ, — такъ незначительно было меньшинство, сочувствующее освобожденію. Послѣдствія блистательно доказываютъ справедливость того, что я говорю. Когда бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, враждебно относящійся къ отмѣнѣ крѣпостнаго права не на остзейскій манеръ и по направленію своему вполнѣ выражающій стремленія и надежды большинства дворянства, не только пересталъ поддерживать меньшинство, но началъ его тѣснить и преслѣдовать, оно изчезло, затерялось въ массѣ. Всѣ знаютъ каковы были новые мировые посредники въ сравненіи съ первыми, и до какой степени въ ихъ рукахъ дѣло освобожденія исказилось въ самомъ своемъ основаніи. Нѣтъ, не дворянское сословіе самоотверженно и великодушно отказалось отъ крѣпостнаго права! Дѣятели освобожденія призваны были правительствомъ изъ меньшинства дворянской среды, заявившаго себя противъ крѣпостнаго права и вслѣдствіе того ставшаго предметомъ преслѣдованій со стороны огромнаго большинства дворянскаго сословія. Между тѣмъ и другимъ, я надѣюсь, большая разница.

Въ „Русскомъ мірѣ“ говорится и повторяется,

что преобразованія шестидесятыхъ годовъ уничтожили дворянство, распустили его въ восьмидесяти милліонной массѣ мужиковъ; что дворянство, распуганное и разогнанное изъ своихъ помѣстьевъ, разбѣжалось въ города и за границу, забросивъ свои владѣнія и хозяйства. Все это будто бы сдѣлалось къ прискорбію крестьянъ, которые и теперь больше вѣрятъ своимъ мѣстнымъ помѣщикамъ, чѣмъ чиновникамъ и своимъ выборнымъ. Изъ этихъ увѣреній выходитъ, что реформы мѣстнаго быта, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, были со всѣмъ не нужны, не вызывались никакими потребностями. Селькое хозяйство процвѣтало, дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, мужики были исполнены къ нимъ довѣрія, ходили къ нимъ судиться. Словомъ, все обстояло благополучно — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начались реформы (подразумѣвается, конечно, по наущенію злоумышленниковъ, враговъ дворянства и власти), которыя все это благополучіе поставили верхъ дномъ, вопреки народнымъ желаніямъ, ко вреду мужиковъ и хозяйства и къ раззоренію помѣщиковъ. Отсюда начало всѣхъ золъ, абсентеизмъ просвѣщеннаго сословія, упадокъ сельскаго хозяйства, о которомъ такъ много и такъ краснорѣчиво умѣетъ расказывать статсъ-

секретарь Валуевъ, и господство невѣжественной черни въ провинціяхъ, невозможное и нестерпимое для культурныхъ слоевъ.

Я понимаю, что придворная клика находитъ расчетъ нашептывать все это власти и повозможности вставлять ей очки дворянскаго большинства. Власть не знаетъ Россіи и судитъ по бумагамъ, которыя клика ей докладываетъ. Но за то она, эта клика, до сихъ поръ благоразумно не публиковала своихъ докладовъ и всячески старается довести печать до нѣмоты, боясь, чтобъ нескромныя ея разоблаченія не порвали хитро сплетенныхъ нитей ея лжи и интриги. Но видно съ нею случилось по пословицѣ: кого Богъ хочетъ наказать, у того разумъ отыметъ. Въ увѣренности, что положеніе и власть ея совершенно упрочились, она зарвалась и проболталась. Самонадѣянность клики до того выросла и развилась, что она рѣшилась выступить съ своими лживыми увѣреніями и обманами печатно. Теперь механика этой лжи, благодаря „Русскому міру“ у всѣхъ подъ глазами и всякій могъ бы уличить въ ней придворныхъ интригантовъ у насъ дома, не прибѣгая къ заграничнымъ печатнымъ станкамъ, еслибъ наша печать не была обречена на молчаніе. Всякій ребенокъ знаетъ,

что теперь, какъ до реформъ шестидесятыхъ годовъ, дворянство остается во главѣ мѣстнаго управленія; что судъ и завѣдываніе мужиками, сосредоточенные въ рукахъ мировыхъ судей-дворянъ и мировыхъ посредниковъ, тоже дворянъ, по прежнему удержаны за дворянствомъ; что дворянская организація осталась нетронутой; что уѣздныя земскія управы почти всѣ, а губернскія всѣ безъ исключенія, гдѣ только есть дворянство, составлены изъ дворянъ; что предсѣдатели земскихъ собраній, съ огромными полномочіями, какими они облечены по иниціативѣ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, суть предводители дворянства; что гдѣ только есть дворяне, тамъ крестьянство не занимаетъ должностей и не играетъ ни малѣйшей роли, а если выборные его и попробуютъ заявить свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ дворянскаго большинства, то придворная клика тотчасъ же ссылаетъ ихъ административнымъ порядкомъ, какъ было еще недавно съ Молинымъ въ Самарѣ. Къ крайнему сожалѣнію, крестьянство и до сихъ поръ не играетъ въ нашемъ мѣстномъ самоуправленіи никакой роли; вся власть еще безраздѣльно сосредоточена въ рукахъ дворянства, которое распоряжается ею какъ хочетъ, раздаетъ мѣста.

дѣлаетъ раскладку повинностей, судитъ и рядитъ. Еслибъ крестьянство не было совершенно пассивно, то можетъ быть въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и люди выбирались бы лучше и земскія деньги на постройку зданій и починку дорогъ расходовались бы разумнѣе и бережливѣе, и на сельскія школы отпускалось бы ихъ больше, и раскладки повинностей производились бы уравнительнѣе и справедливѣе. Есть, безъ сомнѣнія, и такія мѣстности, гдѣ, не смотря на то, что всѣми дѣлами орудуетъ одно дворянство, дѣла идутъ по возможности хорошо, разумно и справедливо. Но здѣсь и тамъ, все зависитъ отъ того, каково дворянство, которое, повторяю, и по закону и на фактѣ, соединяетъ въ своихъ рукахъ всю власть. Гдѣ же, спрашивается, раствореніе культурнаго слоя въ мужицкой массѣ? Гдѣ господство, или хоть преобладаніе черни въ мѣстномъ управленіи? Утверждать это могутъ одни недобросовѣстные люди или круглые невѣжды, неимѣющіе понятія о томъ, что дѣлается въ Россіи. Будь въ дворянствѣ хоть тѣнь связности, о которой мечтаетъ „Русскій міръ“ и во имя которой придворная клика опрокидываетъ реформы шестидесятыхъ годовъ, оно, при теперешней дѣятельной и сильной поддержкѣ

со стороны правительства, давно бы сложилось въ сильнѣйшую сословную корпорацію, вредную и опасную, по своему духу, и для народа и для власти, какъ въ Польшѣ. Къ счастію нашему, въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ и не было даже и тѣни связности; дворянство, какъ сословіе, продолжаетъ падать, и въ смыслѣ привиллегированнаго класса конечно никогда болѣе не возстановится, что бы ни дѣлала котерія нашихъ выродившихся олигарховъ.

Абсентеизмъ дворянства на мѣстахъ и упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ — фактъ несомнѣнный, но смыслъ ихъ совсѣмъ не тотъ, какой придаетъ имъ „Русскій міръ.“

Въ концѣ минувшаго царствованія и началѣ нынѣшняго, абсентеизмъ за границу былъ невозможенъ, потому что выѣздъ за предѣлы Имперіи былъ чрезвычайно затрудненъ; сперва мѣрами правительства, потомъ войной, а послѣ войны тѣмъ, что драконовскія правила о поѣздкахъ за границу смягчались мало по малу. Но главное, — мы ожили надеждами, намъ представилось, что дѣла будетъ довольно у себя, а чтобъ его дѣлать, надо было оставаться и жить дома. Первая половина нынѣшняго царствованія вполнѣ оправдывала этотъ взглядъ и аб-

сентеизма не было. Но когда произошелъ поворотъ въ правительствѣ, когда оно начало, мало по малу, раздѣлывать реформы, стѣснять дарованныя права, земство и печать, тогда всё что было горячо принялось за дѣло, за работу, охладѣло, махнуло рукой и разбрелось куда попало. Не для чего было оставаться на мѣстахъ. Кромѣ того, провинціи опустѣли и потому, что большинство дворянства оказалось вполнѣ неспособнымъ заняться хозяйствомъ дѣльно и серьозно, что въ немъ укоренилась привычка, воспитанная крѣпостнымъ правомъ, жить на даровщинку и жуировать, не обременяя себя мыслью и трудомъ, что оно необыкновенно легкомысленно и беззаботно, какъ всѣ праздные люди, отнеслось къ новому положенію вещей, созданному отмѣной крѣпостнаго права. Мы подсмѣивались надъ внутренностью Поляковъ, не замѣчая, что сами не уступаемъ имъ въ этомъ ни на волосъ. Вся разница въ томъ, что польское дворянство, располагавшее судьбами Польши, погубило ее; наше же дворянство, не имѣя, къ счастію, политическихъ правъ, погубило только само себя. Неумѣнье дворянъ дѣлать что либо, совершенная ихъ несостоятельность и безпомощность вошли у простаго народа въ посло-

вицу. Роскошь не по средствамъ, самыя безпутныя затѣи и мотовство дворянскаго класса всѣмъ извѣстны и памятны. Вездѣ банки и поземельный кредитъ обогатили людей, дали имъ средства уплатить долги, улучшить свое хозяйство, удвоить и утроить свое состояніе; только у насъ они разорили дворянство, ввели его въ неоплатные долги. Понятно, что при такихъ условіяхъ отнятіе дароваго труда разорило большинство дворянъ. Выкупныя свидѣтельства, вмѣсто того, чтобъ идти на улучшеніе хозяйства, на постановку его на новую ногу, сообразно съ измѣнившимися условіями, были прожиты въ городахъ и за границей, съѣдены и пропиты, проиграны въ карты, употреблены на балы, женщинъ, наряды. Вотъ что распугало и разогнало большинство дворянъ изъ провинцій, а вовсе не введеніе нашей смирной и безгласной черни въ мѣстныя земства.

Я говорилъ до сихъ поръ о безобидномъ, добродушномъ хотя и легкомысленномъ, не приготовленномъ къ труду большинствѣ дворянъ. За тѣмъ не мало было и такихъ, которыхъ реформы шестидесятыхъ годовъ дѣйствительно выжили изъ ихъ имѣній. Не умѣя свыкнуться съ отмѣной крѣпостнаго права, съ тѣмъ, что

ужъ нельзя тиранствовать надъ дворовыми и мужиками, нѣкоторая часть дворянства срывала сердце на рабочихъ, всячески тѣснила, обсчитывала народъ, не скрывала своего къ нему презрѣнія и ненависти и вызвала отместку: къ такимъ дворянамъ не шли на работу и въ службу, имъ дѣлали все во вредъ, наконецъ, съ отчаянья и злобы, поджигали ихъ дома, житницы и усадьбы. Эта часть дворянства жалуется и теперь на новые порядки, разоряется и кричитъ, что въ провинціи нельзя отъ нихъ жить.

Но кромѣ этихъ видовъ абсентеизма существуетъ у насъ еще одинъ, политическій, о которомъ „Русскій міръ" мудро молчитъ. Иные дворяне и живутъ по деревнямъ, хозяйничаютъ, ладятъ съ народомъ, приспособились къ новымъ порядкамъ, не жалуются на нихъ, — но систематически воздерживаются отъ всякаго участія въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ и управленіи, съ тѣхъ поръ, какъ придворная клика начала царствовать въ Россіи, преслѣдовать людей независимыхъ и поддерживать большинство, враждебное совершившимся реформамъ. Эта, теперь подавленная и устранившаяся отъ дѣлъ часть дворянства, составляющая незамѣтное меньшинство, талантливая, честная, независимая, мыслящая, всплыветъ опять, какъ только царство олигарховъ кончится, и явится спросъ на живыя силы, которыя теперь всячески оттираются на задній планъ. Эта часть дворянства ясно понимаетъ, что создать высшее привиллегированное наслѣдственное сословіе, по рецепту „Русскаго міра" и дать ему общественныя и политическія права значитъ окончательно сдать массы народа въ руки худшей части населенія — разбогатѣвшихъ кулаковъ, желѣзно-дорожныхъ тузовъ, бывшихъ откупщиковъ, взяточниковъ, награбившихъ себѣ состояніе, словомъ всякаго рода проходимцевъ, нагрѣвшихъ себѣ руки около казны, народа, или по акціонернымъ дѣламъ, на биржѣ и въ спекуляціяхъ. Таково было бы большинство проектируемаго программою „Русскаго міра" дворянства, о которомъ эта газета увѣряетъ, что народъ больше вѣритъ ему, чѣмъ коронымъ чиновникамъ. Народъ, раздавленный поборами, которые противъ прежняго увеличились въ пять и въ восемь разъ и взыскиваются съ небывалой жестокостью, не вѣритъ больше никому и ничему, даже самой власти, въ которую онъ еще недавно слѣпо вѣрилъ. Онъ видитъ, что освобожденіе не облегчило его участи, а напротивъ скорѣй ее ухудшило. Преж-

ніе посредники, защищавшіе его права и интересы, замѣнились людьми или совершенно безучастными къ его долѣ, или обратившими свою власть въ помѣщичью, худшаго сорта; онъ видитъ, какъ при взысканіи съ него податей и недоимокъ продается его имущество за безцѣнокъ, благодаря совершенному безсердечію полиціи; какъ съ легкой руки бывшаго Тульскаго губернатора Шидловскаго, взысканіе недоимокъ, вопреки закону и справедливости, обращаются на бабьи сарафаны и бабью собственность; онъ видитъ, какъ помѣщики и ихъ приказчики совершенно безнаказанно обижаютъ и тѣснятъ его и ему не къ кому обращаться за помощью. Въ крестьянинѣ мало по малу складывается убѣжденіе, что вся администрація, казенная и общественная, дворянская и земская, только для того и существуетъ, чтобъ обирать его, а для защиты его, бѣднаго и тёмнаго человѣка, нѣтъ никого

Вотъ плоды той внутренней политики, какая у насъ водворилась съ воцареніемъ придворной клики. Во имя химеры классическаго образованія наши университеты падаютъ и молодежь, толпами выгоняемая изъ нихъ и изъ гимназій, обращается въ безумныхъ пропагандистовъ без-

смысленныхъ брошюръ и прокламацій. Во имя химеры привиллегированнаго дворянства искажаются великія реформы нынѣшняго царствованія и нашему развитію насильственно дается искусственное направленіе, противное тысячелѣтнему ходу русской исторіи, ослабляется власть и довѣріе къ ней народа, устраняется изъ администраціи просвѣщенное меньшинство, которое во всѣ наши лучшія эпохи шло впереди и стояло на первомъ планѣ, подавляется русская мысль, налагается печать молчанія на наши уста. Неужели это можетъ долго продолжаться и неужели можно защищать такой порядокъ дѣлъ, какъ пытается „Русскій міръ“? Этому не хотѣлось бы вѣрить! Наука, мысль, теорія идутъ на службу олигархіи только въ эпохи разложенія государствъ и народовъ. Мы, надо надѣяться, еще не дошли до этой степени упадка. Пока мы, повидимому, только испорченныя, очень дурно воспитанныя дѣти, а не развращенный, извѣрившійся въ себя народъ.

Письмо второе.

Только люди, не имѣющіе понятія о теперешней Россіи или придворные интриганты могутъ утверждать, что созданіе привиллегированнаго сословія изъ остатковъ разорившихся дворянъ, разбогатѣвшихъ невѣжественныхъ торгашей-кулаковъ и всякаго рода аферистовъ можетъ возродить нашу мѣстную жизнь и благосостояніе, замѣнить теперешній разбродъ правильной организаціей, вдохнуть въ обезличенныхъ людей нравственный характеръ и умственную состоятельность. Высшее мѣстное сословіе, культурное и обладающее на фактѣ привиллегіей, сложится само собою, при теперешнемъ земскомъ устройствѣ, созданномъ реформами шестидесятыхъ годовъ, если только не будутъ тѣснить земства, искажать и расшатывать его сверху. Еслибъ правительство и его мѣстные органы смотрѣли за строгимъ соблюденіемъ закона, то мѣстная жизнь не замедлила бы выдвинуть изъ

себя высшій культурный слой, составленный изъ элементовъ всѣхъ бывшихъ и существующихъ теперь искуственныхъ сословій, разрядовъ и званій. Сюда вошли бы и обломки стараго служилаго дворянства и крупное землевладѣніе и капиталы и способности, — словомъ все то, изъ чего и теперь слагается и чѣмъ обновляется господствующій культурный классъ въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Но интригантамъ совсѣмъ не этого хочется. Они боятся созданія и упроченія у насъ такой среды, которая была бы довольно вліятельна, чтобъ противудѣйствовать ея проискамъ и олигархическимъ замашкамъ. Ей нужно названіе, а не самое дѣло. Она только прикрываетъ свои виды программой, которую, съ возможной благовидностью, излагаетъ „Русскій міръ". Ея настоящая цѣль, напротивъ не дать сложиться ничему прочному, вліятельному на мѣстахъ, чтобъ было удобно ловить въ мутной водѣ рыбу и безпрепятственно проводить олигархическую конституцію въ Россіи, — конституцію, немыслимую при существованіи въ провинціяхъ солиднаго, истинно консервативнаго, просвѣщеннаго высшаго класса. Вся безорганизація, весь произволъ, весь мракъ, все беззаконіе идутъ у насъ не изъ провинціи,

не изъ уѣздовъ, а изъ столицъ, изъ среды придворныхъ интригантовъ, которые вставляютъ очки власти, мечтаютъ держать все въ своихъ рукахъ, и править именемъ власти въ своихъ собственныхъ интересахъ. Царствующая теперь въ Россіи котерія, разобравшая большую часть министерскихъ портфелей, пронырливая, лукавая, безнравственная и невѣжественная, — вотъ гдѣ наше зло и источникъ нашихъ неурядицъ.

Какъ на исходъ изъ хаоса и беззаконія, въ которыхъ мы находимся, указываютъ обыкновенно или на революцію, или на политическія гарантіи. Авторъ статьи „Чѣмъ намъ быть?" отвергаетъ, и весьма справедливо, оба способа въ примѣненіи къ Россіи. Эта часть статьи и мѣста, гдѣ говорится о существѣ и значеніи верховной власти у насъ безспорно лучшее изъ всего, что сказалъ „Русскій міръ". Особливо вопросъ о верховной власти, какъ она выработалась въ Россіи исторически, поставленъ совершенно вѣрно и правильно. Политическая революція у насъ, къ счастію, невозможна, потому что въ основѣ русскаго государства нѣтъ взаимно враждующихъ элементовъ. Соціальная революція — худшій изъ всѣхъ видовъ революцій — къ великому нашему благополучію тоже невозможна, благодаря положеніямъ 19 февраля 1861 года, какъ ни искажены онѣ въ практическомъ примѣненіи, благодаря стараніямъ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Невозможность революцій у насъ есть потому наше счастіе и благополучіе, что даже тамъ, гдѣ онѣ возможны и представляются единственнымъ выходомъ изъ запутаннаго положенія, онѣ, по своимъ послѣдствіямъ, составляютъ зло, чуть ли не худшее того, которое ими устраняется. Примѣры у всѣхъ подъ глазами. Намъ грозятъ, во всякомъ случаѣ, не революціи, а смуты, которыя искуственно вызываются безсмысленнымъ управленіемъ, безпомощностью невѣжественныхъ, полудикихъ массъ, задавленныхъ поборами и безправіемъ и въ тоже время систематическимъ раздраженіемъ имущихъ и образованныхъ слоевъ, которое сближаетъ ихъ въ недовольствѣ съ массами. Интриганты, правящіе теперь Россіею, относятся самымъ легкомысленнымъ образомъ къ явленіямъ современной русской жизни, давятъ мысль, давятъ молодежь, толпами ссылаютъ недовольныхъ, не подозрѣвая, что раздуваютъ пламя, которое хотятъ тушить.

Конституціонныя поползновенія, идущія и изъ образованныхъ слоевъ общества и изъ придвор-

ной клики, у насъ совершенно безплодны и только показываютъ нашу политическую незрѣлость и незнаніе Россіи. Конституція только тогда имѣетъ какой нибудь смыслъ, когда носителями и хранителями ея являются сильно организованные, пользующіеся авторитетомъ, богатые классы. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ конституція является ничтожнымъ клочкомъ бумаги, ложью, предлогомъ къ самому безсовѣстному, безчестному обману. Конституція, какъ она выработалась въ Европѣ, есть договоръ между народомъ (собственно между высшими сословіями) и правителемъ. Гдѣ оба равносильны, тамъ дѣло идетъ хорошо. Но гдѣ одна изъ сторонъ слаба, тамъ властвуетъ на дѣлѣ та изъ нихъ, которая сильнѣе, и она предписываетъ законы. Мы видѣли какъ во Франціи шайка разбойниковъ и бандитовъ овладѣла государствомъ и двадцать лѣтъ безнаказанно держала власть въ своихъ рукахъ, дѣлая ужасы и прикрываясь конституціей, въ которой все было безстыдною ложью. Сама по себѣ, помимо условій, лежащихъ въ строѣ народа и во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ его слоевъ, конституція ничего не дастъ и ничего не обеспечиваетъ; она, безъ этихъ условій, ничто, но ничто вредное, потому что

обманываетъ внѣшнимъ видомъ политическихъ гарантій, вводитъ въ заблужденіе наивныхъ людей.

У насъ многіе мечтаютъ о конституціи, всего болѣе тѣ, которые надѣются, съ ея помощью, забрать власть надъ Государствомъ, на французскій наполеоновскій маперъ, въ руки нѣсколькихъ семействъ, съ устраненіемъ всего народа. О верхней камерѣ я слыхалъ много разговоровъ; о нижней придворная клика благоразумно смолчитъ.

При всесословномъ демократическомъ характерѣ верховной власти въ Россіи, на который весьма вѣрно указываетъ „Русскій міръ", при отсутствіи у насъ испоконъ вѣка кастъ и замкнутыхъ сословій, не имѣющихъ ничего сходнаго съ общественными группами по занятіямъ, ни съ тягловыми служебными разрядами, созданными закономъ, какъ было у насъ до Петра Великаго, ни революціи, ни конституція у насъ немыслимы. Насущный нашъ вопросъ совсѣмъ не политическій, а административный. Намъ нужны не новыя преобразованія взаимныхъ отношеній между сословіями, не политическія обеспеченія противъ исторически данной верховной власти. Все что намъ нужно и чего хватитъ на долгое

время, — это сколько нибудь сносное управленіе, уваженіе къ закону и даннымъ правамъ со стороны правительства, хоть тѣнь общественной свободы. Огромный успѣхъ совершится въ Россіи съ той минуты, когда самодержавная власть сброситъ съ себя формы восточнаго деспотизма, византійскаго императорства и обратится въ правильно организованную неограниченную европейскую монархію, когда она укромитъ придворную клику, заставитъ ее войти въ должныя границы, принудитъ, волей-неволей, подчиниться закону. Гнейстъ, глубокій знатокъ англійской политической жизни, давно уже указывалъ на зло, происходящее для страны отъ господства въ ней праздныхъ, невѣжественныхъ, развращенныхъ, своекорыстныхъ кружковъ изъ высшихъ классовъ, толкущихся около двора и живущихъ царскими подачками и милостями. Онъ совѣтовалъ совершенно устранить эти опасные элементы отъ государственнаго управленія, предсказывая, въ противномъ случаѣ, великія несчастія и странѣ и власти. Мы испытываемъ теперь на себѣ всю справедливость этихъ предостереженій. Эти кружки, забравши силу, исподоволь взяли назадъ почти все, что сдѣлано у насъ добраго въ первые десять лѣтъ

нынѣшняго царствованія, и довели до того, что власть и народъ перестали понимать другъ друга. Пока теперешній порядокъ дѣлъ продлится, пока Россія, преобразованная снизу, останется прежнею сверху, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ничего добраго. Крѣпостное право отмѣнено въ гражданскомъ быту, а въ нашемъ государственномъ устройствѣ оно, какъ было дано исторіей, такъ и осталось до сихъ поръ нетронутымъ. Но чтобъ Самодержавіе могло преобразоваться, съ отмѣною крѣпостнаго права, въ правильную, хотя и неограниченную европейскую монархію, совлечь съ себя свои обвѣтшалыя, полуазіятскія, полукрѣпостныя формы, для этого нужны прочныя, самостоятельныя государственныя учрежденія, составленныя изъ лучшихъ людей страны. Безъ этого, единоличная верховная власть, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, роковымъ образомъ будетъ подпадать подъ вліяніе и господство придворныхъ интригантовъ, которые заинтересованы въ томъ, чтобъ нашептывать ей только то, что имъ выгодно и скрывать то, что имъ вредно. У насъ теперь Самодержавіе есть фикція, мечта: его въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Самодержцы, какъ всѣ люди въ мірѣ, непремѣнно кого нибудь да слушаютъ.

непремѣнно действуютъ подъ чьимъ нибудь вліяніемъ. Весь вопросъ въ томъ, кто оказываетъ это вліяніе и какъ оказываетъ? При теперешнемъ нашемъ государственномъ устройствѣ, вліяніе могутъ имѣть одни лица, толкущіяся около двора. Изъ этой среды поневолѣ берутся министры. Соединенные въ Комитетѣ Министровъ они представляютъ тѣ же самые придворные элементы. Государственный Совѣтъ наполняется неспособностями или людьми выжившими изъ лѣтъ, и потому это, по первоначальному назначенію почтенное, но впослѣдствіи искаженное государственное учрежденіе, не можетъ имѣть никакого вліянія и существуетъ въ видѣ декораціи. Правильнаго государственнаго учрежденія, довольно самостоятельнаго и вліятельнаго, которое, не имѣя конституціоннаго характера, но и не боясь Министровъ, могло бы служить передъ неограниченнымъ русскимъ монархомъ представителемъ интересовъ страны и народныхъ нуждъ, стремленій и желаній — нѣтъ въ Россіи. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ, одна придворная обстановка и придворные кружки держатъ въ рукахъ судьбы нашей внутренней политики, законодательства и администраціи. На всякое правильное, самостоя-

тельное государственное учрежденіе, хотябы оно и не имѣло никакихъ политическихъ аттрибутовъ, смотрятъ у насъ какъ на органъ, опасный для самодержавной власти. Придворной кликѣ выгодно поддерживать такой взглядъ, потому что она потеряла бы, при существованіи самостоятельнаго государственнаго учрежденія, свое теперешнее вліяніе на дѣла, и не могла бы вести свои интриги подъ покровомъ тайны, и не могла бы такъ безнаказанно вставлять власти очки и дѣлать такъ безстыдно ложные и обманные доклады. Всѣ эти пріемы камердинеровъ и дворовыхъ людей добраго стараго времени потеряли бы свое магическое дѣйствіе и свое теперешнее государственное значеніе.

Я глубоко убѣжденъ, что только правильно и сильно организованное государственное учрежденіе административнаго, а не политическаго характера, могло бы вывести насъ изъ теперешняго хаоса и безправія и предупредить серьозныя опасности для Россіи и власти, на которыя насъ насильственно и неудержимо толкаетъ всесильное господство придворной клики. Съ такимъ учрежденіемъ, до свѣдѣнія верховной власти были бы доводимы правильнымъ образомъ факты и событія въ томъ видѣ, въ какомъ они

дѣйствительно совершаются и какъ они понимаются всѣми, а не съ тѣми урѣзками, искаженіями и произвольными толкованіями, съ какими котерія представляетъ ихъ въ собственныхъ интересахъ. Тогда верховная власть знала бы по крайней мѣрѣ все не односторонно, изъ однихъ личныхъ докладовъ, какъ теперь, а въ различныхъ редакціяхъ, подъ различнымъ освѣщеніемъ и могла бы, съ полнымъ разумѣніемъ, склониться въ пользу того или другаго взгляда, выбрать то или другое направленіе дѣлъ и внутренней политики. Такое учрежденіе создалъ Петръ Великій въ Сенатѣ, взамѣнъ Боярской Думы. Исторія этого учрежденія, усиленіе, паденіе и возстановленіе его власти, неразрывно связаны съ колебаніями нашей внутренней политики и отношеніями верховной власти къ олигархіи. Учрежденіе Сената при Петрѣ было сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ боярству. Но послѣ Петра, при его слабыхъ преемникахъ, придворная олигархія снова подняла голову. По мѣрѣ того, какъ она усиливалась или ослабѣвала, значеніе Сената падало или возвышалось. Въ царствованіе Екатерины II. Сенатъ упалъ окончательно и никогда больше не возстановлялся въ прежнемъ значеніи. Паденіе Сената въ такое даровитое, умное,

блестящее и плодотворное царствованіе, шедшее по стопамъ Петра Великаго и довершавшее его дѣло, было непослѣдовательностью, которая объясняется обстоятельствами вступленія Екатерины II. на престолъ, шаткостью верховной власти послѣ Петра, и временнымъ, вслѣдствіе того и другаго, усиленіемъ придворной олигархіи, которая легко могла бы обратить Сенатъ въ свой органъ, въ орудіе своихъ плановъ, какъ видно изъ замысловъ Панина. Но уже при Александрѣ I. потребность въ правильномъ центральномъ государственномъ учрежденіи выразилась съ особенною силою въ учрежденіи Государственнаго Совѣта, который, вначалѣ, замѣнилъ собою Сенатъ Петра Великаго. Государственный Совѣтъ, какъ извѣстно, составлялъ лишь звѣно въ проектѣ коренныхъ преобразованій всѣхъ нашихъ государственныхъ учрежденій, задуманномъ при Александрѣ Первомъ. Съ измѣненіемъ взглядовъ правительства, особенно при Николаѣ I., Государственный Совѣтъ тоже утратилъ значеніе. Личное управленіе одержало верхъ, министерскіе доклады оттѣснили и подавили правильный законный ходъ государственныхъ дѣлъ и Высочайшія повелѣнія по докладамъ министровъ, циркулярныя министерскія распоряженія

замѣнили правильное законодательство. Опять придворные кружки, ихъ тайныя нашептыванія и интриги, на долго, до нашего времени, остановили правильное развитіе внутренней жизни Россіи. Въ началѣ нынѣшняго царствованія, послѣ несчастной восточной войны, казалось, будто такому печальному ходу дѣлъ будетъ, однажды навсегда, положенъ конецъ. Рядъ благотворныхъ, общихъ и частныхъ мѣръ и преобразованій далъ странѣ вздохнуть и высказаться. Но именно вслѣдствіе того, что снизу все было преобразовано, а сверху все оставлено нетронутымъ, благія начинанія имѣли мало успѣха и оборвались въ самомъ началѣ. Ржавый, никуда негодный механизмъ нашихъ устарѣлыхъ государственныхъ учрежденій не могъ сдержать напора придворныхъ интригъ. Послѣднее десятилѣтіе выказало до очевидности, что безъ кореннаго переустройства, на новыхъ началахъ, нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и изъ нихъ прежде всего учрежденій административныхъ, у насъ все будетъ ходить ходенемъ, хаосъ, безправіе, необеспеченность закона никогда не прекратятся и мы вѣчно будемъ, какъ теперь, обезличены и въ разбродѣ.

Въ этихъ видахъ, на первомъ планѣ стоитъ у насъ созданіе административнаго или правительствующаго Сената, но совсѣмъ иначе организованнаго, чѣмъ теперешній 1-й Департаментъ Сената.

Главное значеніе административнаго Сената, равнаго Государственному Совѣту и совершенно независимаго отъ Министра Юстиціи, должно быть правительственное. Онъ долженъ быть прочно и сильно организованъ и имѣть всю необходимую самостоятельность. Цѣль его учрежденія — дать единство управленію государства, положить конецъ министерскому произволу, служить передъ верховною властью выраженіемъ потребностей и нуждъ государства и страны, въ противувѣсъ темнымъ закулиснымъ интригамъ придворной клики и ея своекорыстнымъ наущеніямъ. Этой важной и трудной задачѣ должно соотвѣтствовать устройство этого учрежденія и его аттрибуты.

Для выполненія своей задачи, предполагаемый административный сенатъ долженъ быть учрежденіемъ коллегіальнымъ, съ числомъ членовъ не менѣе того, изъ какого составленъ Государственный Совѣтъ.

Въ административномъ Сенатѣ должны быть

представлены всѣ элементы государства, ибо соединеніе ихъ и необходимо для выраженія передъ верховною властью нуждъ и потребностей Государства и страны. Съ этою цѣлью, треть членовъ административнаго Сената должна состоять изъ лицъ, назначаемыхъ непосредственно верховною властью, треть назначаться по выбору губернскихъ земствъ, треть избираться самимъ Сенатомъ. Избранные становятся Сенаторами безъ утвержденія. При такомъ составѣ, въ Сенатѣ будутъ представлены и администрація и провинціи и наконецъ такіе элементы и интересы Россіи, которые не входятъ въ два первые разряда. Сверхъ этихъ членовъ никто не можетъ быть Сенаторомъ и пользоваться правами этой должности.

Еслибъ оказалось невозможнымъ ввести въ составъ Сената одновременно по одному выборному отъ каждой Губерніи, то слѣдовало бы установить между губерніями, однажды навсегда, извѣстную очередь для замѣщенія выбывающихъ Сенаторовъ новыми выборными изъ провинцій.

Необходимо, чтобъ въ члены Сената призывались не выбранные уже предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, а лица, особо избираемыя для засѣданія въ Сенатѣ, такъ какъ для

той и другой должности требуются совсѣмъ различныя условія и способности.

Что касается до лицъ, избираемыхъ самимъ Сенатомъ, то необходимо, чтобъ права и власть его, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не были стѣснены или ограничены.

Административный Сенатъ обновляется въ своемъ составѣ не вдругъ, а ежегодно одною третью, чтобъ въ немъ большинство всегда состояло изъ членовъ опытныхъ, знакомыхъ съ дѣлами и порядкомъ ихъ веденія. Такимъ образомъ каждый членъ Сената назначается или избирается, напримѣръ, на три года; но по истеченіи этого срока, онъ можетъ быть назначенъ или избранъ вновь на такой же срокъ.

Въ продолженіи всего времени пребыванія своего въ должности, сенаторъ не можетъ занимать никакой другой, ни въ государственной, ни въ общественной, ни въ частной службѣ. Онъ не можетъ быть также удаленъ изъ Сената иначе, какъ по судебному приговору за уголовное преступленіе. За выраженіе своихъ мнѣній въ засѣданіяхъ Сената онъ не подлежитъ преслѣдованію и отвѣтственности.

Члены Сената, выбывшіе до истеченія трех-

годичнаго срока замѣщаются, на остальной срокъ, новыми, по назначенію или по выбору.

Члены Сената, за все время пребыванія своего въ должности, получаютъ опредѣленное содержаніе, безъ различія назначаемыхъ верховною властью отъ выборныхъ.

Такими мѣрами будутъ вполнѣ обеспечены за членами административнаго Сената всѣ условія, необходимыя для образованія прочнаго, самостоятельнаго государственнаго учрежденія.

Внутренняя организація Сената должна быть предоставлено ему самому. Онъ же можетъ и измѣнять ее, смотря по надобности, удобству и указаніямъ опыта. Отъ него самаго зависѣть будетъ раздѣлиться на Департаменты или составлять по всѣмъ дѣламъ одно общее собраніе, распредѣлять занятія между своими членами, образовывать специальныя комиссіи для предварительной подготовки дѣлъ, опредѣлять порядокъ засѣданій и дѣлопроизводства и проч. Всѣ дѣла докладываются Сенаторами. Избраніе, опредѣленіе и увольненіе Секретарей и чиновниковъ канцеляріи принадлежитъ самому Сенату.

Гласность разсужденій и преній административнаго Сената я не считаю необходимой. При

полной свободѣ членовъ выражать свои мнѣнія, не подвергаясь никакой отвѣтственности и при другихъ личныхъ гарантіяхъ членовъ Сената, гласность его разсужденій, при нашей падкости къ популярничанью и эффектамъ, могла бы скорѣй вредить чѣмъ приносить пользу дѣятельности этого государственнаго учрежденія. Чѣмъ меньше будетъ для членовъ повода расчитывать на ораторскій успѣхъ за стѣнами Сената, тѣмъ дѣльнѣй и основательнѣй будутъ ихъ разсужденія.

Предсѣдатель Сената есть Государь Императоръ. Первоприсутствующій, предсѣдательствующій въ Сенатѣ въ отсутствіе Императора, утверждается имъ изъ числа двухъ или трехъ кандидатовъ, избираемыхъ Сенатомъ.

При такой организаціи, административный Сенатъ будетъ учрежденіемъ прочнымъ, значительнымъ и достаточно высоко поставленнымъ, чтобъ не подчиняться ничьимъ вліяніямъ, кромѣ непосредственныхъ велѣній Государя.

Аттрибуты власти административнаго Сената должны соотвѣтствовать его назначенію въ составѣ нашихъ государственныхъ учрежденій.

Комитетъ Министровъ есть учрежденіе устарѣлое, безполезное и при теперешнемъ своемъ

составѣ вовсе не достигающее цѣли. Оно подлежитъ упраздненію, тѣмъ болѣе, что серьозныя дѣла этого учрежденія уже отошли въ совѣтъ Министровъ.

Первый Департаментъ Сената слишкомъ безсиленъ, чтобъ держать администрацію въ должныхъ границахъ и сообщать ей необходимое единство. Онъ тоже подлежитъ упраздненію.

Затѣмъ Государственный Совѣтъ, съ отдѣленіемъ отъ него судебной власти, есть учрежденіе по преимуществу законодательное. Административныя дѣла, нынѣ ему предоставленныя, вовсе ему не свойственны.

Административный Сенатъ, какъ высшее административное Государственное учрежденіе, долженъ соединить въ себѣ всѣ дѣла и власть, раздѣленныя теперь между Государственнымъ Совѣтомъ, Комитетомъ Министровъ и 1-ымъ Департаментомъ Правит. Сената. Маловажныя изъ этихъ дѣлъ, которыя лишь случайно вѣдаются теперь высшими государственными учрежденіями, должны быть предоставлены рѣшенію Министерствъ и управляющихъ отдѣльными частями по принадлежности. Это легко выяснится при проектированіи органическаго закона объ административномъ Сенатѣ.

Необходимо, чтобъ отчеты Министровъ и Главныхъ управленій передавались на разсмотрѣніе этого учрежденія и чтобъ ему предоставлено было право требовать отъ всѣхъ министерствъ и управленій отдѣльными частями доставленія свѣдѣній и разъясненій, какія онъ признаетъ нужнымъ отъ нихъ потребовать. Онъ имѣетъ также право приглашать къ участію въ своихъ занятіяхъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, всѣ тѣ лица, которыя, по его соображеніямъ, могутъ быть для него, почему либо полезными.

Наконецъ, административному Сенату должно быть предоставлено право, по собственному почину и собственною властью, производить, посредствомъ своихъ членовъ, ревизію министерствъ и управленій отдѣльными частями, а также мѣстъ и учрежденій имъ подчиненныхъ.

Однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ административнаго Сената должно быть право представлять верховной власти, на ея усмотрѣніе, соображенія свои о ходѣ различныхъ отраслей Государственнаго управленія и о необходимыхъ общихъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, касающихся исключительно внутренняго состоянія Государства. Отъ верховной власти будетъ уже зависѣть дать этимъ соображеніямъ

дальнѣйшій ходъ, или оставить ихъ безъ послѣдствій.

Административный Сенатъ, какъ государственное учрежденіе въ странѣ, управляемой неограниченною монархическою властью, имѣетъ только совѣщательную, а не рѣшительную власть. Заключенія его, въ видѣ ли общихъ соображеній, или проектовъ общихъ мѣръ и предположеній, или опредѣленій по текущимъ дѣламъ, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ Высочайшаго утвержденія. Только изложенные выше аттрибуты административнаго Сената, не будучи ни общими мѣрами, ни рѣшеніями, а лишь способами и средствами для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, предоставляются его власти и не требуютъ утвержденія.

Самъ административный Сенатъ не исполняетъ своихъ рѣшеній, утвержденныхъ верховною властью. Но ему должно быть предоставлено право наблюдать и настаивать на точномъ ихъ исполненіи, употребляя для того тѣ изъ законныхъ способовъ, которые онъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразными и удобными. Какъ эти способы, такъ и право входить по исполненію его рѣшеній въ сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ,

должны быть предоставлены его непосредственной власти.

Таково должно быть, въ главныхъ и общихъ чертахъ, учрежденіе, котораго у насъ недостаетъ и которое, по моему убѣжденію, могло бы, мало по малу, дать намъ связность и излечить насъ отъ обезличенія. Хаосъ и путаница въ управленіи государствомъ и въ нашихъ головахъ происходитъ единственно отъ того, что нѣтъ личности и связности въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи. Самодержавный Государь, будь онъ геній, не въ состояніи теперь одинъ вести и направлять всѣ дѣла въ малѣйшихъ ихъ подробностяхъ и по всѣмъ отраслямъ управленія, въ такой обширной имперіи, какъ Россія; онъ не можетъ подмѣтить и во время остановить явныя козни и тайныя интриги своекорыстныхъ людей, проводящихъ въ государственныхъ дѣлахъ свои частные и личные виды. Такая задача по плечу только многочисленному, сильно организованному, самостоятельному и вліятельному государственному учрежденію, снабженному необходимою административною властью, которое, по своему высокому положенію, могло бы непосредственно представлять Государю, на его усмотрѣніе, свои виды и соображенія по внут-

реннему управленію Государствомъ. Еслибъ такое учрежденіе у насъ существовало, верховная власть имѣла бы, для обсужденія положенія и хода дѣлъ въ Имперіи, рядомъ съ отзывами и докладами лицъ, заинтересованныхъ представлять все только въ извѣстномъ, для нихъ благопріятномъ свѣтѣ, мнѣніе и отзывъ учрежденія, непричастнаго, по личному своему составу и положенію, ни администраціи, ни проискамъ и интригамъ, и потому способнаго безпристрастно, въ интересахъ страны и власти, обсудить дѣло или вопросъ не съ одной какой либо, а со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Сравнивая между собою различные отзывы по одному и тому же предмету, Государь могъ бы составить себѣ о немъ полное и ясное понятіе и направлять дѣла Имперіи такъ или иначе, по своимъ соображеніямъ. Теперь же, при отсутствіи центральнаго государственнаго административнаго органа, независимаго отъ Министерствъ, нѣтъ и не можетъ быть въ управленіи единства и цѣлости; каждый министръ и каждое главное управленіе тянетъ государственную колесницу въ свою сторону, толкуетъ законъ какъ ему нравится, болѣе или менѣе искусно или нагло и безцеремонно его обходитъ и нарушаетъ, по своимъ видамъ, не-

рѣдко прямо противуположнымъ видамъ верховной власти и почти всегда благу страны. Отсюда — полный хаосъ и безотвѣтственность передъ закономъ; никто не знаетъ, какъ и что считать за законъ и какъ его понимать, по пословицѣ: „недовернешься бьютъ, перевернешься бьютъ.“ Какъ же, при такой безурядицѣ, быть связности въ головахъ и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ? Мы видимъ на каждомъ шагу, что награждаются люди именно за то, что нагло, безстыдно нарушаютъ законъ, преслѣдуются тѣ, которые стоятъ за него и строго его исполняютъ. Общественный и политическій развратъ, который у насъ поразителенъ, есть неизбѣжное слѣдствіе такого порядка дѣлъ. Мы не проходили чрезъ революцію, какъ Франція, а политически и граждански развращены столько же, если не больше, и по той же самой причинѣ, происходящей тамъ отъ безпрестанныхъ революцій, здѣсь отъ совершенной дезорганизаціи государственнаго механизма, отжившаго свой вѣкъ. Никто у насъ не вѣритъ въ силу закона, и ни во что его не ставитъ; меньше всего уважаютъ его тѣ, кто облеченъ властью.

Мнѣ возразятъ, что Сенатъ, съ предполагаемыми административными аттрибутами, безъ

политическихъ правъ, не въ силахъ будетъ побороть зло, потому что рѣшенія его не будутъ обязательны для верховной власти, которая точно также можетъ осудить его на бездѣйствіе, преобразовать на манеръ существующихъ теперь высшихъ государственныхъ учрежденій, какъ она, давъ крестьянскія, земскія и судебныя учрежденія, давъ въ извѣстной мѣрѣ свободу печати, вскорѣ сама же исказила ихъ и взяла назадъ дарованныя права.

Такой взглядъ выражаетъ гораздо больше глубокое недовѣріе къ власти, ростущее у насъ, къ несчастію, не по днямъ, а по часамъ, чѣмъ правильную оцѣнку нашего положенія. Политическія гарантіи не создаются учрежденіями, онѣ въ нихъ только выражаются. Ни одна конституція въ мірѣ не создала политической свободы; она только закрѣпила существующую въ законную форму. У насъ нѣтъ элементовъ, которые могли бы создать законъ или учрежденіе, обязательные для верховной власти. Хорошо ли это, или дурно — это другой вопросъ, но такъ оно на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно и толковать о конституціи, навязанной верховной власти, нечего. Путаница въ нашихъ понятіяхъ происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что

мы, зная отсутствіе у насъ условій политической свободы въ европейскомъ смыслѣ, не смотря на то её ищемъ, придумываемъ разные способы создать её и никакія неудачи не раскрываютъ намъ глазъ. Однако простой здравый смыслъ долженъ бы, кажется, подсказать, что гдѣ нѣтъ элементовъ для политической жизни, тамъ никакія человѣческія усилія не въ состояніи ихъ создать. Нельзя и предвидѣть, какъ и когда такое наше положеніе измѣнится. У насъ всѣ власти соединены въ рукахъ Самодержца и потому не мыслимы политическія учрежденія, которыя бы его ограничивали или стѣсняли. При такихъ условіяхъ, ходъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ не можетъ измѣниться къ лучшему до тѣхъ поръ, пока сами русскіе Государи не поймутъ, что ихъ внутренняя политика ошибочна, что органы управленія государствомъ устарѣли, не соотвѣтствуютъ своему назначенію, а должны быть замѣнены новыми; что для самой верховной власти выгоднѣе господство закона, чѣмъ придворныхъ интригантовъ; что люди просвѣщенные, честные и независимые можетъ быть не такъ пріятны, но за то надежнѣе чѣмъ пронырливая лакействующая дворня, плутующая и обманывающая съ своекорыстными цѣлями; что

для верховной власти въ Россіи опасны не тѣ, которые прямо высказываютъ свои мнѣнія, хотя бы и не согласныя съ желаніями и взглядами Государя, а тѣ, которые съ видомъ рабской покорности, втихомолку и во мракѣ подкапываютъ законы и власть. Пока всего этого русскіе Государи не поймутъ, до тѣхъ поръ никакія учрежденія не помогутъ. Напишите завтра конституцію, даже вырвите ее у верховной власти, и послѣ завтра такая конституція на дѣлѣ обратится въ пустое слово, или будетъ взята назадъ, и огромное большинство этого не замѣтитъ, пожалуй еще порадуется.

Административный Сенатъ предлагается въ этомъ рядѣ идей. Какъ уже сказано, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ быть политическимъ учрежденіемъ. Его организація и аттрибуты расчитаны единственно на то, чтобъ высшее внутреннее управленіе Государствомъ получило единство и правильность, чтобъ высшее административное учрежденіе въ государствѣ имѣло и право и возможность, не стѣсняясь никакими личными соображеніями и не боясь придворныхъ интригантовъ, работающихъ во тьмѣ, подъ покровомъ тайны, блюсти за исполненіемъ закона и представлять Госу-

дарю вещи, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Выборъ въ административный Сенатъ лучшихъ людей, внѣ административныхъ и придворныхъ сферъ, ввелъ бы въ высшее управленіе полезные для него элементы и силы, которые теперь оттерты и скрываются подъ спудомъ. Этимъ и ограничивается назначеніе предполагаемаго административнаго Сената. Все другое было бы пустой фантазіей.

Но кто поручится, скажутъ мнѣ, что Государь будетъ внимать голосу этого учрежденія, а не придворныхъ пронырь; что завтра онъ въ самостоятельномъ учрежденіи не заподозритъ зародыша ограниченія его власти; что прямой, честный голосъ этого учрежденія не будетъ признанъ за оппозицію и противудѣйствіе верховной самодержавной власти? А если все это возможно, то стоитъ ли предлагать преобразованія, которыя сегодня будутъ введены, а завтра взяты назадъ, какъ было на нашихъ глазахъ съ столькими и столькими полезными мѣрами?

Можетъ быть все это такъ и будетъ. Всего вѣрнѣе, что установленіе административнаго Сената, съ тѣмъ устройствомъ и значеніемъ, какъ онъ здѣсь предполагается, будетъ отвер-

гнуто, какъ мѣра радикальная и революціонная, или же введется правительствующій Сенатъ по образцу теперешнихъ нашихъ чиновничьихъ, бездыханныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Все это будетъ означать, что ракъ, который пожираетъ русское Государство и русское общество, не сознается верховною властью, которая теперь одна только и въ силахъ его вылечить. Пройдетъ еще нѣсколько времени и болезнь усилится до того, что зло, которое теперь видятъ немногіе, но уже всѣ чувствуютъ, сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ и каждаго. Тогда верховная власть, ходомъ вещей, вынуждена будетъ сдѣлать то, что теперь, пока, было бы дѣломъ государственной предусмотрительности. Можетъ быть также — и это вѣроятно, — что внѣшнія событія раньше естественнаго хода вещей вскроютъ наши язвы и мы снова за нихъ поплатимся, какъ поплатились въ Восточную войну, на этотъ разъ конечно еще ужаснѣе, еще унизительнѣе, чѣмъ тогда. Во всякомъ случаѣ я другихъ путей, кромѣ собственнаго убѣжденія верховной власти въ необходимости кореннаго преобразованія нашихъ государственныхъ учрежденій изъ полуазіатскихъ въ монархическія европейскія не вижу и не могу себѣ

представить. Предлагая мѣру, которая мнѣ, по крайнему разумѣнію, кажется возможною и наиболѣе соотвѣтствующею цѣли, я исполняю только долгъ человѣка, горячо любящаго свое отечество. А осуществятся ли мои желанія ему блага, или нѣтъ, — это ужъ не мое дѣло и не въ моей власти.
